НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА
29
1566

БИБЛІОТЕКА
Одесскаго Кадетскаго Корпуса.
По описи № 2391
Отд. III № 171

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Одесск
По
Отд.

Уважаемому Г. Ю. Гамсахурдиа
от автора
Одесса
8 Мая 1902 г.

А. И. МАРКЕВИЧЪ.

ГОГОЛЬ ВЪ ОДЕССѢ.

UCRAINICA

Произнесено въ залѣ Императорскаго Новороссійскаго университета 17-го марта 1902 года, въ день университетскихъ поминокъ о Гоголѣ.

ОДЕССА.
«Экономическая» типографія, Почтовая улица, домъ № 43.
1902.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Одесс
П
Отд

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І.І. МЕЧНИКОВА

Новороссійскаго Университета Библиотека

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ *Ѳ. Шведовъ.*

29
1566

(Оттискъ изъ 88 т. Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета).

Жизнь знаменитыхъ людей настолько интересна, настолько поучительна, что потомство съ жадностью собираетъ о ней всѣ подробности, всякія мелочи, подтверждая этимъ давно уже сознанное положеніе, что въ жизни этой нѣтъ ничего неважнаго, незначительнаго. Что такой взглядъ примѣнимъ и къ Гоголю, само собою понятно и, какъ бытописатель Одесской жизни, хотя бы въ частныхъ ея проявленіяхъ, я выбралъ для настоящаго сообщенія разсказъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ[1]). Если въ жизни этого великаго писателя Одесса и не проявила себя такимъ значеніемъ, какъ въ жизни Пушкина, то все же въ Одессѣ Гоголь не мало потрудился надъ своими произведеніями, здѣсь протекала болѣзнь, приведшая его къ смерти; наконецъ, если эпизодъ пребыванія Гоголя въ нашемъ городѣ не важенъ для біографіи писателя, то интересенъ для исторіи одесскаго общества.

---

[1]) Главный матерьялъ для этого сообщенія дали В. И. Шенрока: Матерьялы для біографіи Гоголя, т. I—IV. М. 1892—1898 г. и изданныя подъ редакціей В. И. Шенрока же Письма Н. В. Гоголя, I—IV. Спб. 1902 г. Первые я обозначаю въ ссылкахъ такъ: Матерьялы, и затѣмъ томъ и страницы; на вторыя же ссылокъ почти не дѣлаю, ибо письма легко отыскиваются въ изданіи при обозначеніи времени, когда они писались. Остальные источники указываются мною общепринятымъ способомъ; причемъ я старался, по возможности, обходиться совсѣмъ безъ цитатъ, такъ какъ эти источники болѣе или менѣе общеизвѣстны.

Гоголь въ первый разъ былъ въ Одессѣ въ 1848 г., но при исключительныхъ условіяхъ и, можно сказать, почти ея не узналъ; во второй и въ послѣдній разъ онъ прожилъ здѣсь въ 1850—1851 г. пять мѣсяцевъ, т. е. имѣлъ уже возможность познакомиться съ Одессою; но это было за годъ до смерти Гоголя и при такомъ его настроеніи, когда подобное знакомство не представляло для него особаго интереса. Есть основаніе утверждать, однако, что Гоголь имѣлъ представленіе объ Одессѣ издавна, еще не побывавши въ ней.

Не только во времена молодости Гоголя, но и въ значительно болѣе позднія, лѣтъ 40 — 50 назадъ, Одесса была очень популярна въ глухихъ тогда мѣстахъ Малороссіи и, какъ я хорошо помню, именно въ Полтавщинѣ. Въ Одессу, а не въ столицы чаще всего ѣздило оттуда наше состоятельное дворянство—людей посмотрѣть, себя показать; на это вліяли и сравнительно болѣе близкое разстояніе, нежели въ столицы, и дешевизна одесской жизни, и бо́льшая внѣшняя, какъ бы западно-европейская культурность города, гдѣ напр. раньше, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, появлялись столь утонченныя развлеченія, какъ итальянская опера, и тотъ нѣсколько свободный режимъ, который здѣсь утвердился при герц. де-Ришелье и продержался до гр. Воронцова включительно; въ то время, какъ въ столицахъ были тогда совершенно иные порядки; а болѣе всего, быть можетъ, лучшій одесскій климатъ и всегда популярныя морскія купанія. Богачи могли ѣздить и за-границу, но для помѣщиковъ «средней руки» это было не по средствамъ; Одесса же являлась копіей заграничныхъ городовъ — и этого было довольно. Наконецъ, въ западной Новороссіи расположено было много войскъ, особенно кавалеріи, офицерство которой главнымъ образомъ тогда пополнялось изъ среды малороссійскаго дворянства и вслѣдствіе близости къ Одессѣ естественно стремилось посѣщать ее, а, выходя въ отставку, приносило въ родную глушь благодарныя о нашемъ городѣ воспоминанія. Словомъ, даже въ 40—50-хъ годахъ прошлаго вѣка въ Полтавщинѣ любой состоятельный помѣщикъ хоть разъ въ жизни да побывалъ въ Одессѣ, и съ семьею, если ему нужно было полѣчить жену или дѣтей, и потомъ долго съ наслажденіемъ разсказывалъ тѣмъ несчастнымъ, которые лишены были столь завидной доли, объ одесскомъ морѣ, одесской дешевизнѣ, одесскихъ развлеченіяхъ, а подъ сурдинкой—и о такихъ, какимъ естественно было имѣть мѣсто въ большомъ, шумномъ, вольномъ южномъ городѣ,—центрѣ такъ называемой невѣнчанной губерніи.

Семья Гоголей имѣла и слѣдующія, спеціальныя причины знать о существованіи Одессы: въ 1826—1827 г. здѣсь жилъ двоюродный братъ М. И. Гоголь Петръ Петровичъ Косяровскій, съ которымъ она нерѣдко переписывалась и даже давала ему порученія, напр. пріобрѣсть въ Одессѣ плащеницу для церкви въ с. Васильевкѣ, что тотъ и выполнилъ съ успѣхомъ. Въ Одессѣ же имѣлъ свой домъ и нерѣдко живалъ другой столь же близкій родственникъ Гоголей Андр. Андр. Трощинскій, съ которымъ они постоянно видѣлись въ Малороссіи.

Уже отъ этихъ лицъ Гоголь могъ имѣть свѣдѣнія объ Одессѣ, особенно отъ П. П. Косяровскаго, съ которымъ онъ провелъ лѣто 1827 г. въ Васильевкѣ, куда Косяровскій пріѣхалъ изъ Одессы и, такъ какъ она очень ему нравилась (о чемъ онъ писалъ М. И. Гоголь), то естественно, что онъ сообщалъ племяннику свѣдѣнія о своемъ пребываніи въ Одессѣ, а слѣдовательно и вообще объ этомъ городѣ. Кромѣ того въ письмахъ Гоголя нерѣдки указанія, что тотъ или другой его знакомый или товарищъ уѣхалъ въ Одессу; въ томъ числѣ и директоръ гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ, когда въ ней учился Гоголь, И. С. Орлай перешолъ директоромъ Ришельевскаго лицея, переведя туда и своихъ сыновей — товарищей Гоголя по ученію въ гимназіи; причемъ Орлай сообщалъ въ Нѣжинъ свѣдѣнія объ Одессѣ. Гоголь зналъ даже и сообщилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что въ Нѣжинъ рыбу выписываютъ изъ Одессы.

Когда Гоголь переселился въ Петербургъ, въ трудныя минуты здѣшней жизни его поддерживалъ одесситъ А. А. Трощинскій, помогавшій вообще семьѣ Гоголя[1]); онъ не разъ выручалъ Гоголя изъ матерьяльныхъ затрудненій, доставилъ ему хоть на время устраивавшее Гоголя служебное положеніе и,

---

[1]) Объ отношеніяхъ Гоголей къ Трощинскимъ и въ частности о дружбѣ М. И. Гоголь съ двоюроднымъ братомъ ея А. А. Трощинскимъ см. Автобіогр. записку М. И. Гоголь. Р. Арх. 1902 г. № 4. Сперва, впрочемъ, А. А. Трощинскій относился къ Н. В. Гоголю далеко не благосклонно.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

хотя и косвеннымъ образомъ, повліялъ на лучшія отношенія къ Гоголю тѣхъ аристократическихъ семействъ, гдѣ онъ давалъ уроки: къ родственнику Трощинскаго отношеніе было иное, чѣмъ къ обыкновенному учителю; а между тѣмъ эти уроки повели и къ тому знакомству Гоголя съ видными нашими писателями, которое оказало рѣшающее вліяніе на его литературную судьбу.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Гоголь постоянно встрѣчался съ людьми, знавшими Одессу, и иногда даже очень хорошо, напр. съ Пушкинымъ, въ жизни котораго Одесса оставила глубокій слѣдъ и біографію коего Гоголь, безъ сомнѣнія, хорошо зналъ [1]). Извѣстная фрейлина Россетъ (по мужу Смирнова [2]), столь близкая къ Гоголю, была уроженкой Одессы, крестницей дюка де-Ришелье [3]) и всегда считала себя южанкой [4]). Нѣсколько позже, въ бытность въ Москвѣ Гоголь познакомился съ Попечителемъ Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичемъ, а въ Римѣ сталъ близокъ къ кн. Зинаидѣ Волконской, которая раньше довольно долго жила въ Одессѣ ради воспитанія дѣтей, и велъ долгія бесѣды съ заправскимъ одесситомъ А. С. Стурдзою [5]), которому обѣщалъ посѣтить Одессу на возвратномъ пути изъ Св. Земли. Заграницей же, а затѣмъ и въ Россіи Гоголь былъ особенно близокъ къ гр. А. П. Толстому, нѣкогда Одесскому

---

[1]) Жуковскій и кн. Рѣпнины въ то время въ Одессѣ еще не бывали.

[2]) «Калужская губернаторша».

[3]) Отецъ ея, свойственникъ герц. де-Ришелье, эмигрировалъ въ Одессу, гдѣ потомъ служилъ комендантомъ Карантиннаго порта и гребной черноморской флотиліи. Ему, между прочимъ, обязана Одесса первоначальнымъ устройствомъ той дачи съ садомъ на Хаджибейскомъ лиманѣ, которая теперь находится во владѣніи города, отдана подъ лечебное заведеніе и составляетъ украшеніе этой мѣстности. Сынъ А. О. Смирновой—Михаилъ Николаевичъ окончилъ въ 1868 г. Новороссійскій университетъ и скончался въ 80-хъ годахъ въ Одессѣ.

[4]) И позднѣе А. О. Смирнова даже называла Одессу «отраднымъ островомъ»—впрочемъ, потому, что здѣсь жилъ Стурдза.

[5]) Они въ первый разъ познакомились въ Швейцаріи въ 1836 г., но знакомство это было мимолетное; окончательное же сближеніе произошло въ Римѣ въ 1846 г. и бесѣды Гоголя и Стурдзы нашли себѣ отраженіе, по словамъ послѣдняго, въ «Перепискѣ съ друзьями».

военному губернатору. Гоголь имѣлъ такое представленіе объ Одессѣ, что еще въ 1836 г. (24 сентября) изъ Швейцаріи писалъ къ матери о климатѣ нашего города, указывая, что у Женевскаго озера есть мѣстности съ болѣе теплымъ климатомъ, чѣмъ Одесса. Еще позднѣе у Гоголя установилась переписка съ жившимъ въ Одессѣ знаменитымъ Архіепископомъ Херсонскимъ Иннокентіемъ [1]), приславшимъ Гоголю въ 1847 г. свои замѣчанія на «Переписку съ друзьями»,—не очень благосклонныя; но Гоголь отвѣтилъ Арх. Иннокентію въ Одессу благодарственнымъ письмомъ. Наконецъ, въ томъ же 1847 г. Гоголь въ письмѣ обсуждаетъ съ другомъ своимъ А. С. Данилевскимъ возможность для послѣдняго найти службу и поселиться въ Одессѣ, самъ тоже разсчитывая провести зиму послѣдующаго года, по возвращеніи изъ Іерусалима въ Россію, гдѣ либо на югѣ.

Тѣмъ не менѣе до весны 1848 г. Гоголю побывать въ Одессѣ не пришлось и только въ это время увидѣлъ онъ нашъ городъ. Проведя конецъ зимы въ Іерусалимѣ, а начало весны въ Бейрутѣ въ гостяхъ у товарища своего по гимназіи Базили [2]), Гоголь рѣшилъ вернуться отсюда въ Россію черезъ Смирну, гдѣ надо было выдержать 12-дневный карантинъ, Константинополь и Одессу, о чемъ и писалъ Плетневу изъ Бейрута. Въ началѣ апрѣля Гоголь былъ въ Константинополѣ и 14 апрѣля въ $5^1/_2$ ч. дня выѣхалъ въ Одессу [3]), вмѣстѣ съ Базили, на русскомъ пароходѣ—фрегатѣ «Херсонесъ». Прибыли они въ Одессу 16 апрѣля въ $10^1/_2$ ч. утра [4]); причемъ Гоголь тотчасъ же попалъ въ ка-

---

[1]) Кажется, знакомство Гоголя съ знаменитымъ іерархомъ относится къ веснѣ 1842 г., когда тотъ былъ еще архіепископомъ харьковскимъ и проѣзжалъ черезъ Москву. Они тогда условились встрѣтиться у Гроба Господня.

[2]) Константина Михайловича, долго жившаго потомъ въ Одессѣ.

[3]) См. далѣе; то же число обозначено и на письмѣ его къ живописцу Иванову о своемъ выѣздѣ.

[4]) Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 1848 г. отъ 17 апрѣля № 30 сообщено, что 16 апрѣля въ $10^1/_2$ ч. утра прибылъ изъ Константинополя пароходъ—фрегатъ Херсонесъ, послѣ 41 часовъ плаванья, съ 37 пассажирами, въ числѣ коихъ К. М. Базили и «знаменитый русскій писатель Н. В. Гоголь».

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

рантинъ [1]), гдѣ долженъ былъ просидѣть двѣ недѣли, т. е. приблизительно до 30 апрѣля.

Хотя Гоголь явился въ Одессу уже знаменитымъ писателемъ, но время, которое онъ здѣсь провелъ, было столь краткосрочно, особенно если исключить изъ него карантинный срокъ, что его мало кто въ Одессѣ и видѣлъ; почему объ этомъ пребываніи Гоголя въ Одессѣ воспоминананій сохранилось очень немного.

О карантинномъ періодѣ жизни Гоголя въ Одессѣ довольно краткія свѣдѣнія имѣются частью въ воспоминаніяхъ Н. Гр. Тройницкаго, частью въ перепискѣ самого Гоголя. Первый сообщаетъ, что онъ вмѣстѣ съ знакомымъ уже Гоголю Л. С. Пушкинымъ (братомъ поэта) отправились въ карантинъ [2]), гдѣ на ихъ звонокъ вышелъ изъ своего номера Гоголь. Его отдѣляли отъ посѣтителей четверныя проволочныя рѣшетки [3]) на довольно значительное пространство, такъ что разговаривать было неудобно. Явственно доносился только плескъ береговой волны, а по ту сторону залива какъ бы трепетала въ струяхъ знойнаго миража прилегающая къ морю степь.

Физіономія Гоголя, по словамъ Тройницкаго, при первомъ взглядѣ на него поражала своимъ саркастическимъ выраженіемъ; онъ разсѣянно перебиралъ четками и привѣтствовалъ посѣтившихъ его знакомъ своей руки.

Это свиданіе съ Гоголемъ Тройницкій позднѣе изобразилъ въ слѣдующихъ стихахъ: [4])

«Ты на пути въ свой край родимый
На скиѳскій берегъ нашъ вступилъ,
И міръ иной родной картиной
Тебя отвсюду окружилъ.

[1]) Карантинъ этотъ находился на томъ мѣстѣ, которое и по нынѣ носитъ названіе Карантина; точно также здѣсь сохранилъ до сихъ поръ свое названіе Пассажирскій кварталъ, гдѣ очевидно и содержались прибывшіе изъ заграницы пассажиры.

[2]) Л. С. Пушкинъ и Н. Гр. Тройницкій были въ то время членами Одесской портовой таможни.

[3]) Н. В. Неводчиковъ (см. далѣе) говоритъ, впрочемъ, лишь о двухъ предохранительныхъ рѣшеткахъ; вѣроятно, каждая изъ нихъ была двойною.

[4]) Онъ приписалъ ихъ неизвѣстному (въ литературѣ) автору, но въ частной бесѣдѣ не скрывалъ, что это его стихи.

Перебирая молча четки,
Ты намъ привѣтъ послалъ рукой
Сквозь карантинныя рѣшетки;
И здѣсь мы встрѣтились съ тобой:
Братъ знаменитаго поэта,
Да я—ничѣмъ не именитый,
Да ты—зашелецъ знаменитый.
Горячимъ воздухомъ одѣта
Виднѣлась степь черезъ заливъ;
Волны рокочущей отливъ
До слуха чутко доносился,—
Пока ты съ нами не простился.»

Изъ опубликованныхъ писемъ, посланныхъ Гоголемъ изъ Одесскаго карантина (таковыхъ всего три: къ матери, къ Шевыреву и къ о. Матвѣю, и всѣ помѣчены 21 апрѣля) относительно пребыванія его здѣсь получаются такія свѣдѣнія: изъ письма къ матери — что Гоголь успѣлъ два раза видѣться съ А. А. Трощинскимъ, который не забылъ навѣстить его на другой день по прибытіи въ Одессу, т. е. 17 апрѣля. Здѣсь же Гоголь получилъ свѣдѣнія о смерти какого то близкаго ему человѣка,— повидимому товарища по гимназіи И. І. Пащенко [1]), и о смутахъ, конечно, тѣхъ, которыя весною 1848 г. охватили Западную Европу. Изъ письма къ Шевыреву видно, что Гоголь отвѣчалъ ему изъ карантина на письмо его, полученное въ Константинополѣ; затѣмъ, что ему былъ доставленъ въ карантинъ (на другой же день по пріѣздѣ, какъ Гоголь писалъ позже Жуковскому) 4-й № Москвитянина [2]), который онъ пробѣжалъ и гдѣ нашелъ печатное письмо къ нему, Гоголю, Жуковскаго, по поводу чего и высказываетъ свои соображенія; далѣе Гоголь проситъ Шевырева подписаться за него на Москвитянинъ мимо свѣдѣнія Погодина, чтобы не получать журнала даромъ [3]); оканчивается письмо обычными для Гоголя въ то время разсужденіями о суетѣ всего на свѣтѣ. Письмо къ отцу Матвѣю тоже служитъ отвѣтомъ на его письмо, полученное Гоголемъ

[1]) См. далѣе въ текстѣ.

[2]) Тоже.

[3]) Шевыревъ подписался на высылку этого журнала въ Одессу Трощинскому.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

въ Константинополѣ, но не содержитъ никакихъ одесскихъ указаній[1]).

Зная изъ одесситовъ А. С. Стурдзу, Гоголь тотчасъ же по пріѣздѣ далъ ему вѣсть о себѣ; но Стурдза не посѣтилъ Гоголя въ карантинѣ, а немедленно послалъ къ нему своего домашняго секретаря Н. В Неводчикова[2]). Разговоръ его съ Гоголемъ былъ непродолжительный и касался вопроса о воспитаніи; причемъ Гоголь говорилъ о пользѣ воспитанія для самого воспитателя[3]). Затѣмъ Гоголь разспрашивалъ Неводчикова объ Одессѣ: любятъ ли здѣсь чтеніе, много ли книжныхъ лавокъ, можно ли имѣть англійскія книги? и просилъ прислать въ карантинъ Мертвыя Души и два—три №№ Москвитянина, что, какъ указано было выше, Неводчиковъ, очевидно и исполнилъ.

Изъ карантина Гоголь вышелъ, надо думать, 30 апрѣля и, хотя раньше разсчитывалъ прожить въ Одессѣ двѣ недѣли[4]), но пробылъ въ дѣйствительности не свыше семи дней. Что онъ здѣсь дѣлалъ, сказать трудно, но былъ очень занятъ, такъ какъ 4 мая «улучилъ свободную минуту», чтобы написать коротенькое письмецо своему товарищу и другу А. С. Данилевскому; въ этомъ письмѣ Гоголь сообщилъ свой дальнѣйшій маршрутъ[5]) и упомянулъ съ огорченіемъ о смерти Пащенка. Единственное мѣсто въ этомъ письмѣ, дающее хоть какія либо одесскія указанія, заключается въ слѣдующемъ: «Здѣсь я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ и нашихъ соучениковъ. Орлаи оба, Александръ[6])

---

[1]) Гоголь сообщаетъ, что онъ былъ мало доволенъ состояніемъ своего сердца во время пребыванія въ Іерусалимѣ и послѣ того; въ остальномъ письмо это сходно съ иными письмами его къ о. Матвѣю, причемъ дѣло не обходится безъ «искусителя», такъ запугавшаго Гоголя въ концѣ его жизни.

[2]) Впослѣдствіи Неофитъ, архіепископъ Кишиневскій, нынѣ на покоѣ въ г. Измаилѣ.

[3]) Неводчиковъ приводитъ и слѣдующія выраженія Гоголя: «Да, вся безалаберщина, какая набирается намъ въ голову, какъ то сосредоточивается и уясняется, когда готовимся передать ее другому».

[4]) Такъ онъ писалъ матери.

[5]) Въ Малороссію.

[6]) Впослѣдствіи столь памятный одесситамъ генералъ А. И. Орлай.

и Андрей, прекрасные люди, будутъ отъ души хлопотать о тебѣ»[1]).

И такъ Гоголь говоритъ въ этомъ письмѣ о *многихъ*, видѣнныхъ имъ знакомыхъ и соученикахъ; я думаю, впрочемъ, что изъ числа вторыхъ онъ только и видѣлъ здѣсь Орлаевъ; иначе онъ наименовалъ бы товарищей въ письмѣ къ Данилевскому—тоже соученику[2]). Но кого онъ могъ увидѣть въ Одессѣ еще, кромѣ уже указанныхъ А. А. Трощинскаго, Н. Гр. Тройницкаго, Л. С. Пушкиа и Н. В Неводчикова? Несомнѣнно, во-первыхъ, сына Трощинскаго—Димитрія и его духовника[3]); затѣмъ отца своихъ товарищей директора Ришельевскаго лицея И. С. Орлая[4]); далѣе А. С. Стурдзу, котораго онъ посѣтилъ (вмѣстѣ съ Базили) немедленно по выходѣ изъ карантина на его приморской дачѣ «Пріютъ»[5]); но свиданіе это было короткое. Позднѣе[6]) Гоголь писалъ Стурдзѣ объ этомъ свиданіи: «Мы видѣлись мало: часъ съ небольшимъ. Только прошлись по саду Вашего пріютнаго обиталища, да едва тронулись въ разговорѣ такихъ вопросовъ, о которыхъ хотѣлось бы душѣ поговорить подольше. Но, несмотря на то, этотъ часъ и эта прогулка остались въ памяти моей какъ что то очень отрадное». 3 мая Стурдза послалъ Гоголю свою книжку «Письма о должностяхъ св. сана»; причемъ изъ письма, сопровождавшаго книжку, очень сердечнаго, видно, что присылка ея явилась слѣдствіемъ

---

[1]) Выше указано, что Данилевскій искалъ мѣста въ Одессѣ.

[2]) Возможно, что Гоголь подразумѣвалъ еще Базили, все же находившагося тогда въ Одессѣ, и даже Халчинскаго, съ которымъ видѣлся въ Константинополѣ.

[3]) Гоголь позднѣе, 22 ноября 1848 г., писалъ изъ Москвы матери со словъ духовника Д. А. Трощинскаго, что послѣдній вовсе не такъ дуренъ въ душѣ, какъ о немъ думаютъ. Д. А. Трощинскій окончилъ въ 1850 г. Ришельевскій лицей и умеръ въ Полтавѣ въ концѣ 80-хъ годовъ.

[4]) Гоголь вскорѣ писалъ въ Одессу И. С. Орлаю, прося помочь Данилевскому въ его хлопотахъ о мѣстѣ.

[5]) Дача эта находится возлѣ такъ наз. Малаго Фонтана и нынѣ принадлежитъ внуку Стурдзы кн. Анат. Евг. Гагарину. Письмо Стурдзы Гоголю отъ 3 мая имѣетъ дату «Пріютъ»; а другое письмо, отъ 21 іюня 1850 г.,—«Пріютъ близь Одессы». Дача верстахъ въ 5 отъ Одессы.

[6]) 6 іюня 1850 г.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

предшествующей бесѣды. Вмѣстѣ съ книжкою Стурдза послалъ Гоголю письмо Неводчикова отъ 23 апрѣля изъ деревни. Неводчиковъ благодаритъ Гоголя и какъ писателя, сочиненіями котораго онъ зачитывается, и какъ собесѣдника въ карантинѣ [1]).

Вѣроятно, при посредствѣ Стурдзы состоялось знакомство Гоголя съ профессоромъ Ришельевскаго лицея М. К. Павловскимъ, человѣкомъ къ Стурдзѣ очень близкимъ. Позднѣе Гоголь въ письмѣ къ Стурдзѣ [2]) проситъ передать поклонъ Павловскому, уже какъ знакомому, который можетъ его помнить. Въ этомъ же письмѣ Гоголь говоритъ и о другихъ такихъ же знакомыхъ, видимо подразумѣвая подъ ними профессоровъ лицея І. Г. Михневича и Н. Н. Мурзакевича, — тоже бывшихъ съ Стурдзою въ хорошихъ отношеніяхъ [3])

По выходѣ изъ карантина Гоголь видѣлся также и съ Н. Гр. Тройницкимъ и Л. С. Пушкинымъ; объ этомъ Тройницкій говоритъ положительно; но къ сожалѣнію, такъ какъ онъ писалъ свои воспоминанія 32 года спустя, то память ему измѣнила и онъ смѣшалъ событія 1848 г. и 1850 — 1851 года,— впрочемъ, не на столько, чтобы ихъ трудно было распредѣлить. Такъ показаніе, что Гоголь *не разъ* заходилъ къ нему, Тройницкому, и къ Пушкину, жившимъ въ домѣ Крамарева на Преображенской ул. [4]), можетъ относиться къ обоимъ годамъ, ибо трудно предполагать, чтобы Гоголь, столь недолго пробывшій въ 1848 г. въ Одессѣ, успѣлъ *нѣсколько разъ* посѣтить Тройницкаго и Пушкина: довольно, если онъ былъ у нихъ по разу; между тѣмъ извѣстно, что онъ бывалъ у Пушкина въ 1850—1851 г. [5]). Но относить это показаніе Тройницкаго цѣликомъ къ 1850—1851 г.

---

[1]) Гоголь отвѣчалъ на это письмо, но, повидимому, этотъ отвѣтъ не сохранился; см. Матерьялы, IV, 825.

[2]) Въ сентябрѣ 1850 г.

[3]) Въ письмѣ Гоголю изъ Одессы въ 1850 г. (см. далѣе) Стурдза пишетъ не только о Павловскомъ, но и о Михневичѣ, и притомъ вскользь, какъ о лицахъ, уже извѣстныхъ Гоголю.

[4]) Нынѣ пассажъ Менделевичей.

[5]) См. далѣе.

нельзя, такъ какъ онъ вспоминаетъ въ своихъ стихахъ [1]), что Гоголь посѣтилъ его во время зноя, тогда какъ въ 1850—1851 г. онъ былъ въ Одессѣ въ ноябрѣ—мартѣ. Дальнѣйшій разсказъ Тройницкаго, что Гоголь вспоминалъ объ Италіи, о Пушкинѣ, о порядкахъ въ отечествѣ, о новѣйшихъ явленіяхъ въ русской литературѣ и разсказалъ нѣсколько анекдотовъ—опять можетъ относиться къ обоимъ періодамъ. Мнѣ кажется, точнѣе передаютъ свиданіе Гоголя съ Тройницкимъ въ 1848 г. тѣ строфы, какими продолжается стихотвореніе, начинающееся изображеніемъ Гоголя въ карантинѣ:

«Былъ ясный день и зной томилъ,
Когда ты кровъ мой посѣтилъ.
И незамѣтно время мчалось,
И многое припоминалось
Про зарубежный жизни строй
И намъ присущій бытъ родной,
И про твои съ поэтомъ встрѣчи.
О немъ владыкѣ русской рѣчи,
Высокомъ, искреннемъ пѣвцѣ
Въ терново-лавровомъ вѣнцѣ,
Унесшемъ въ глубь своей могилы
Тавія творческія силы,—
Намъ грустно было вспоминать
И раны сердца растравлять».

Бывалъ Гоголь въ 1848 г. въ Одессѣ еще у какого то Авр — ва [2]), и не разъ, такъ какъ послѣдній въ шутливомъ письмѣ къ Гоголю [3]) выражается такъ: «Я очень радъ съ одной стороны, что ты уѣхалъ изъ Одессы, ибо я замѣчалъ нѣкоторую слабость въ тебѣ къ моей женѣ».

Отыскалъ Гоголя въ Одессѣ единоутробный братъ А. С. Данилевскаго В. В. Чернышъ. Наконецъ, можно предполагать, что Гоголь видѣлся и съ Архіепископомъ Иннокентіемъ, кото-

---

[1]) Тоже. Притомъ, Тройницкій тогда уже не жилъ въ домѣ Крамарева; см. далѣе.

[2]) Удобнѣе всего было бы читать: «Аврамова», но въ Новороссійскомъ Календарѣ того времени я подходящаго не отыскалъ; вѣроятно, это было лицо не служащее.

[3]) Отъ 8 мая 1848 г.; см. далѣе въ текстѣ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

рый въ то время устраивалъ Архіерейскую дачу за Тираспольской заставой [1]). Жилъ Гоголь тогда, вѣроятно, у Трощинскаго, какъ и три года спустя [2]).

6 мая Гоголь выѣхалъ изъ Одессы съ какимъ то попутчикомъ [3]), поручивъ Авр—ву отправку своихъ вещей; при этой отправкѣ контора транспортовъ взыскала 80 р. за какія то цыновки; 8 мая Авр — въ послалъ Гоголю въ догонку письмо въ шутливомъ тонѣ, съ извѣщеніемъ объ этомъ долгѣ. Курьезно, что пародируя Петра Ивановича Бобчинскаго, корреспондентъ Гоголя пишетъ: «Въ Петербургѣ, если будешь видѣть Государя Императора, то скажи ему, что я живу въ Одессѣ, разскажи ему о моемъ семейномъ бытѣ и что есть ему надежда со мной повидаться въ Петербургѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Исполненіемъ этой моей просьбы ты задушевно меня обяжешь».

Вскорѣ по возвращеніи изъ Одессы въ Малороссію Гоголь былъ у кн. Рѣпниныхъ въ м. Яготинѣ [4]) и восхищался здѣсь деревьями, сравнивая ихъ съ плохой растительностью Одессы.

Прошло двѣ зимы, которыя Гоголь провелъ въ Москвѣ, очень страдая отъ ея климата; объ Одессѣ въ это время онъ вспоминаетъ очень рѣдко, да и то лишь о ея морскихъ купаньяхъ; но приближеніе зимы 1850—1851 г. заставило его подумать о нашемъ городѣ. Сперва Гоголь предполагалъ только, прибывъ въ Одессу, здѣсь рѣшить, гдѣ провести зиму: въ Греціи ли, или на Аѳонѣ [5]) — для окончанія Мертвыхъ Душъ, или

---

[1]) Но во всякомъ случаѣ Гоголь не могъ въ 1848 г. видѣться съ Д. М. Княжевичемъ, какъ это сообщаетъ Шенрокъ (Матерьялы, IV, 698—699, примѣчаніе), ибо Д. М. Княжевичъ умеръ 1 октября 1844 г. Не познакомился Гоголь тогда и съ А. И. Казначеевымъ, такъ какъ впервые увидѣлъ его въ 1850 г. - см. Письма, IV, 359. Вообще у Шенрока въ указанномъ выше примѣчаніи слиты въ одно всѣ знакомые Гоголя въ Одессѣ и въ 1848 г. и въ 1850—1851 г. Точно также и В. В. Калашъ въ статьѣ о Гоголѣ (Истор. Вѣстн. 1902 г. № 2), въ главѣ «Гоголь въ Одессѣ», сбитый неточнымъ изложеніемъ фактовъ у Тройницкаго, отнесъ къ 1848 г. и то, что происходило съ Гоголемъ уже въ 1850—1851 г.

[2]) См. далѣе.

[3]) Съ Базили?

[4]) Полтавской губ., Пирятинскаго уѣзда.

[5]) Базили звалъ его даже на Ливанъ.

на островахъ Средиземнаго моря, о чемъ и сообщилъ Стурдзѣ письмомъ отъ 6 іюня 1850 г.

Письмо это не застало Стурдзы въ Одессѣ, но, вернувшись сюда къ 21 іюня, онъ немедленно послалъ [1]) Гоголю «весьма милое (по выраженію Гоголя) письмо съ дружелюбнымъ зазывомъ». Стурдза рекомендуетъ ему провести часть зимы на южномъ берегу Тавриды, а остальное время въ Одессѣ и всячески старается доказать, что Одесса пріютитъ Гоголя какъ нельзя лучше и доставитъ ему громадный досугъ для его трудовъ. Въ Одессѣ, пишетъ Стурдза, Гоголь найдетъ цвѣтъ Малороссіи: семью кн. Рѣпниныхъ, сердечно благочестиваго и умнаго о. М. [2]) Павловскаго, Михневича и другихъ, подобныхъ имъ. Преосвященный Иннокентій, продолжаетъ Стурдза, остается въ Одессѣ на всю зиму и, узнавъ о намѣреніи Гоголя побывать здѣсь, обрадовался и просилъ Стурдзу передать Гоголю его поклонъ и благословеніе. Ссылается, наконецъ, Стурдза и на то, что Андр. Н. Муравьевъ, прогостивъ въ Одессѣ въ мартѣ 1850 г. около двухъ недѣль, кажется, увезъ съ собою пріятныя впечатлѣнія и добрую память о ней. На всякій случай онъ сообщаетъ Гоголю, что въ августѣ снова уѣзжаетъ въ деревню мѣсяца на два. Одновременно звалъ Гоголя въ Одессу и Неводчиковъ.

Кромѣ Стурдзы Гоголь о предполагаемомъ пріѣздѣ на зиму въ Одессу написалъ еще жившей здѣсь кн. Елисаветѣ Петровнѣ Рѣпниной [3]), которая очень обрадовалась этому проекту и написала Гоголю 16 августа, что, хотя не причисляетъ себя къ поклонницамъ Одессы, но мысль Гоголя находитъ счастливою и ждетъ его въ Одессу съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что въ эту зиму будутъ жить въ Одессѣ всѣ кн. Рѣпнины [4]).

Несмотря на полученныя имъ письма, Гоголь все таки продолжалъ колебаться. «Если бы Одесса была хоть сколько нибудь похожа климатомъ на Неаполь, писалъ онъ гр. А. П. Толстому 20 августа, разумѣется, я и не подумалъ бы о выѣздѣ заграницу». Почти тѣми же словами выражается онъ въ письмѣ къ

---

[1]) Изъ «Пріюта» же.

[2]) Т. е. отца Михаила.

[3]) См. далѣе.

[4]) Матерьялы, IV, 830.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Смирновой отъ того же числа: «Если бы Одесса сдѣлалась хоть на этотъ годъ Коринѳомъ или Байрутомъ, съ какою бы я радостью остался въ Россіи». Но Гоголь въ это время ждалъ пособія отъ Государя, безъ чего ему не начто было отправиться за-границу; неполученіе желаемаго и разрѣшило въ пользу Одессы вопросъ о пребываніи Гоголя зимою 1850—1851 г.; сюда посылала его и Смирнова, совѣтуя послушаться зова Стурдзы; впрочемъ, Гоголь одно время все же думалъ изъ Одессы проѣхать въ Крымъ.

Принявъ, наконецъ, рѣшеніе ѣхать въ Одессу, Гоголь разсчитывалъ быть здѣсь во второй половинѣ сентября, о чемъ и писалъ знакомымъ, давая адрессъ для отвѣтовъ на имя Стурдзы; но, припомнивъ, что послѣдній могъ въ августѣ выѣхать изъ Одессы и возвратиться только въ октябрѣ, Гоголь далъ адрессъ княжны В. Н. Рѣпниной.

Изъ Васильевки Гоголь выѣхалъ по пути въ Одессу въ началѣ сентября и послѣ разныхъ странствій въ сентябрѣ же добрался до Полтавы, гдѣ нашелъ письмо Стурдзы, на которое отвѣтилъ не особенно скоро [1]), зная, что тотъ въ отъѣздѣ. Гоголь радуется предстоящему свиданію; относительно же Одессы пишетъ: «Душевно бъ хотѣлъ прожить сколько можно долѣ въ Одессѣ и даже не выѣзжать заграницу вовсе»; а, сообщая о необходимоств для него хорошаго климата: «вѣрно, что Богъ властенъ сдѣлать все: Его милосердію нѣтъ границъ: можно и подъ суровымъ воздухомъ Чернаго моря въ самой Одессѣ, все еще холодной для меня, найти свѣжее расположеніе духа — и тогда, разумѣется, я ни зачто не выѣду заграницу. Съ радостью проведу нѣсколько мѣсяцевъ съ вами». Оканчиваетъ письмо Гоголь благодарностью Неводчикову за приписку [2]), поклономъ Архіепископу Иннокентію, М. К. Павловскому и всѣмъ, кто его помнитъ, и надеждою быть въ Одессѣ въ первыхъ числахъ октября.

---

[1]) 15 сентября.

[2]) «Благодарю моего добрѣйшаго Неводчикова за его милую приписочку въ Вашемъ письмѣ. Нѣтъ. Я его не позабылъ и помню. Такое радушное участіе и такое доброе расположеніе не забываются» (Литер. Вѣстн. 1902 г., кн. 1, стр. 145).

Въ дѣйствительности Гоголь выѣхалъ изъ Малороссіи лишь во второй половинѣ октября (кажется 17-го) [1]) и, какъ онъ писалъ матери: съ большимъ трудомъ добрался, или, лучше сказать, доплылъ до Одессы. Проливной дождь сопровождалъ его всю дорогу. Дорога была невыносимая. Ровно недѣлю онъ тащился, придерживая одной рукой разбухнувшія дверцы коляски, а другой разстегиваемый вѣтромъ плащъ, и въ это время убѣдился еще болѣе въ томъ, что нужно держаться разъ принятаго правила: выѣзжать до 15 октября, а съ 15-го сидѣть на мѣстѣ и не отваживаться въ дорогу. Особенно жаловался Гоголь [2]) на дорогу подъ Одессой.

Прибылъ Гоголь въ Одессу 24 октября, что доказывается дневникомъ одной особы [3]), записавшей, что Гоголь пріѣхалъ этого числа и въ тотъ же день обѣдалъ у кн. В. Н. Рѣпнина. Между тѣмъ письмо Гоголя къ Смирновой, помѣченное 26 октября, начинается такъ: «пріѣхавши въ Одессу, сію же минуту, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пишу къ Вамъ». Вѣроятно, Гоголь имѣлъ свои основанія писать Смирновой такимъ образомъ; описка же въ показаніи указанной особы мало вѣроятна, такъ какъ дневникъ велся ею одновременно съ тѣми событіями, которыя она въ него заносила, а отношеніе автора дневника къ Гоголю было, какъ увидимъ, исключительное.

Пробылъ на этотъ разъ Гоголь до конца марта [4]), т. е.

---

[1]) Столь поздній выѣздъ Гоголь приписывалъ лѣни, одолѣвшей его въ Малороссіи. Къ этой поѣздкѣ Гоголя относится фигурировавшая на Гоголевской выставкѣ въ Москвѣ подорожная отъ Канева до Одессы.

[2]) Неводчикову; см. далѣе.

[3]) См. далѣе.

[4]) Время выѣзда Гоголя изъ Одессы указано въ дневникѣ той же особы — 27 марта, что подтверждается слѣдующими соображеніями: Послѣднее, датированное письмо Гоголя изъ Одессы помѣчено 21 марта (Письма, IV, 378); причемъ Гоголь сообщаетъ, что онъ предполагаетъ къ Страстной быть уже въ Кагарлыкѣ (имѣніи Трощинскихъ); Страстная же недѣля въ 1851 г. была 1—7 апрѣля. Съ другой стороны, письмо Плетнева къ Гоголю, написанное 23 марта въ Петербургѣ, уже не застало его въ Одессѣ; отсюда оно было послано въ деревню Гоголю довольно поздно и онъ отвѣтилъ на него 6 мая (ibid., 382). Противорѣчіемъ явилось бы письмо Гоголя къ матери, написанное 3 апрѣля 1851 г. и начинающееся: Христосъ воскресъ! причемъ видно, что Свѣтлый праздникъ уже наступилъ (ibid., 379). Такое письмо

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

пять мѣсяцевъ, или такой промежутокъ времени, въ теченіи котораго могъ достаточно хорошо познакомиться съ Одессою и ея обществомъ, да и общество это, при всей обособленности жизни Гоголя, все же имѣло возможность его узнать. Немудренно поэтому, что о пребываніи его въ Одессѣ зимою 1850—1851 г. сохранилось не мало воспоминаній: А. С. Стурдзы, Н. В. Неводчикова, княжны В. Н. Рѣпниной, одной дамы, жившей у кн. В. Н. Рѣпнина, Н. Г. Тройницкаго, А. Л. Дименитру, Н. Д. Мизко, актера Толченова и еще кое кого, хотя воспоминанія не названныхъ здѣсь лицъ имѣютъ уже анекдотическій характеръ [1]). Кромѣ того немаловажный матерьялъ для знакомства съ пребываніемъ Гоголя въ это время въ Одессѣ доставляетъ и его переписка [2]). Такъ какъ сводъ въ одно всего имѣющагося въ моемъ

могъ бы написать Гоголь только въ 1851 г. изъ Одессы; но,—не знаю, кѣмъ выставлена дата его,—во всякомъ случаѣ она невѣрна, ибо первый день Пасхи въ 1851 г. приходился 8 апрѣля; на 3 апрѣля онъ падаетъ лишь въ 1849 г. (въ 1850 г. онъ былъ 23 апрѣля); къ какому времени и должно быть отнесено это письмо. Въ такомъ случаѣ и письмо къ сестрѣ Ольгѣ (ibid., 381) относится тоже къ 1849 г.; а слѣдовательно—письмо къ матери (ibid., 368), которое Шенрокъ помѣтилъ началамъ 1851 г., чѣмъ причислилъ его къ одесскимъ, хотя оно написано изъ Москвы, тоже болѣе ранняго времени, и дата 1850 г., какая на немъ есть и которую Шенрокъ измѣнилъ, въ дѣйствительности правильна; но въ письмѣ отъ 3 апрѣля 1849 г. рѣчь идетъ не объ этомъ письмѣ. Письмо къ Смирновой (ibid. 381), писанное на Пасху, тоже не принадлежитъ къ числу одесскихъ и стоитъ не на мѣстѣ. Въ дневникѣ жившей у кн. Рѣпнина особы, однако, есть запись о Гоголѣ подъ 29 марта; но, если это не опечатка (далѣе опять есть указанія, относящіяся къ 21 и 25 марта), то въ этотъ день сдѣлана только запись, а въ ней говорится о событіяхъ болѣе ранняго времени.

[1]) См о нихъ далѣе. Бывшій профессоръ Одесской семинаріи Л. С. Мацѣевичъ показывалъ мнѣ въ августѣ 1899 г. письмо къ нему протоіерея г. Николаева, о. Карчевскаго, еще живого, бывшаго псаломщикомъ при церкви кн. В. А. Рѣпниной (см. далѣе), съ воспоминаніями о Гоголѣ. У Л. С. Мацѣевича есть и еще кое-какіе матерьялы для біографіи Гоголя, которые, конечно, желательно было бы видѣть скорѣе опубликованными.

[2]) О пребываніи Гоголя въ Одессѣ сообщалось и въ газетахъ; объ этомъ писалъ А. М. Марковичъ А. С. Данилевскому (Матерьялы, IV, 830). Въ Одесскомъ Вѣстникѣ я нашелъ лишь въ № 86 (1850 г., октября 28) такую замѣтку: «На дняхъ въ нашъ городъ пріѣхалъ Н. В. Гоголь, который, какъ говорятъ, намѣренъ провести здѣсь зиму.»

распоряженіи матерьяла представлялъ бы затрудненія, иногда непреодолимыя, то я использую его слѣдующимъ образомъ: я сообщу раньше всего нѣкоторыя свѣдѣнія, находящіяся въ перепискѣ Гоголя, какъ, по моему мнѣнію, болѣе достовѣрныя, а затѣмъ приведу воспоминанія о немъ въ извлеченіи или даже въ пересказѣ.

По пріѣздѣ въ Одессу Гоголь поселился въ домѣ А. А. Трощинскаго; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 7 ноября онъ даетъ ему этотъ свой адресъ; также позднѣе и другимъ своимъ корреспондентамъ; но въ письмѣ къ Смирновой отъ 26-го и къ матери отъ 28 октября адреса еще нѣтъ; возможно, что Гоголь сперва остановился въ гостинницѣ и лишь въ началѣ ноября перебрался въ домъ Трощинскаго, котораго въ то время въ Одессѣ не было.

Опредѣлить этотъ домъ не трудно: онъ находился, по указаніямъ Гоголя въ его перепискѣ, въ I части, въ I кварталѣ. Я пересмотрѣлъ весь списокъ домовъ въ I части г. Одессы въ 1851 г. и нашелъ тамъ лишь одинъ домъ, принадлежавшій генералъ-маіору А. А. Трощинскому—на Надежной (нынѣ Надеждинская) улицѣ, который теперь принадлежитъ Е. И. Шульцу и означенъ № 9 [1]); очевидно здѣсь и жилъ Гоголь, что подтверждается и показаніями лицъ, сообщившими о пребываніи Гоголя въ Одессѣ, что онъ жилъ именно на Надеждинской улицѣ.

Между тѣмъ имѣются указанія [2]), что Гоголь жилъ хотя и на этой улицѣ и въ домѣ Трощинскаго, но принадлежащемъ нынѣ П. Ковалевскому и С. Деппъ, а также, что онъ жилъ у Сабанѣева моста, въ домѣ нынѣ гр. Е. Г. Толстой [3]). Въ виду

[1]) Домъ этотъ въ 1850—1851 г. былъ, кажется, въ такомъ же видѣ, какъ и теперь; по крайней мѣрѣ у Е. И. Шульца сохранился планъ постройки его, помѣченный 1849 г.

[2]) См. статью Н. О. Лернера въ Русск. Стар. 1902 г. № 11, стр. 325, будто бы со словъ А. Л. Дименитру (см. далѣе).

[3]) Это говоритъ Н. Т. Тройницкій, а также Н. О. Лернеръ въ болѣе ранней статьѣ въ Одесск. Листкѣ 1900 г. № 52—со ссылкою на слова Одесскаго старожила Н. И. Ленца, который однако мнѣ этой ссылки не подтвердилъ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

этого разнорѣчія я предполагалъ сперва, что Трощинскому могло принадлежать все мѣсто на углу Надеждинской улицы и Сабанѣевскаго проѣзда, отъ дома Шульца до дома гр. Толстой включительно; но розысканія мои въ городскомъ архивѣ показали, что въ 1850 г. домъ П. Ковалевскаго и С. Деппъ принадлежалъ М. Ковалевской, а домъ гр. Толстой—Хорвату. Слѣдовательно всѣ показанія о томъ, что домъ Трощинскаго былъ иной, а не Е. И. Шульца, должны быть отвергнуты [1]).

Встрѣчается еще указаніе [2]), что Гоголь въ Одессѣ жилъ также у кн. Рѣпниныхъ, перебравшись будто бы туда отъ Трощинскаго. Кн. Рѣпниныхъ находилось въ то время въ Одессѣ двѣ семьи: Вдова кн. Н. Гр. Рѣпнина (Волконскаго), кн. Варвара Алексѣевна (урожденная гр. Разумовская), съ дочерью княжн. Варварой Николаевной, и сынъ кн. Н. Гр. Рѣпнина молодой князь Василій Николаевичъ съ женою Елисаветой Петровною (урожденной Балабиной [3]) и съ дѣтьми; жили эти родственныя семьи однако не вмѣстѣ [4]). Гоголь, какъ видно будетъ далѣе,

---

[1]) Относительно приводимаго г. Лернеромъ показанія г. Деменитру я еще буду говорить; здѣсь же замѣчу только, что всѣ три дома: Шульца, Ковалевскаго и Деппъ и гр. Толстой, находятся въ одномъ кварталѣ и очень близко одинъ отъ другого, такъ что ошибка въ показаніи о мѣстожительствѣ Гоголя, сдѣланная 30—50 лѣтъ спустя, довольно простительна.

Еще одно показаніе о мѣстожительствѣ Гоголя въ Одессѣ сообщилъ мнѣ М. Г. Зусманъ, со словъ учителя своего Э. Ѳ. Вобста, величайшаго почитателя Гоголя; Вобстъ же въ то время былъ студентомъ II курса Ришельевскаго Лицея. По словамъ Вобста, Гоголь жилъ въ такъ наз. Чудномъ домѣ, на углу Преображенской и Елисаветинской улицъ, нынѣ принадлежащемъ г. Санцу и уже перестроенномъ.

[2]) Матерьялы IV, 817.

[3]) О перепискѣ съ ней Гоголя см. выше.

[4]) Гдѣ жили эти двѣ семьи? Кн. В. А. Рѣпнина жила на Садовой ул., въ своемъ домѣ, бывшемъ Шостака; объ этомъ хорошо помнятъ Г. Г. Маразли, бывавшій у кн. Рѣпниной, и Н. И. Ленцъ. Домъ этотъ, почти безъ перестроекъ, перешелъ потомъ къ Бальшу, далѣе къ С. А. Бродскому, и тогда здѣсь послѣдовательно были: Гостинница Алексѣева и, очень долго, Благородное Собраніе; теперь здѣсь выстроилось большое зданіе почты. Усадьба кн. Рѣпниной занимала, впрочемъ, и то мѣсто, гдѣ теперь домъ Демидовой кн. Санъ Донато, но здѣсь тогда былъ садъ, а также и по другую сторону, гдѣ нынѣ домъ Еранцевой. Въ домѣ кн. Рѣпниной, въ той

часто бывалъ въ обоихъ семействахъ, и княжна В. Н. Рѣпнина прямо говоритъ, что она не знаетъ, гдѣ тогда жилъ Гоголь, но что у брата ея была для него особая комната для занятій. То же сообщаетъ и Стурдза: «Даже въ домѣ кн. Рѣпнина отвели для Гоголя особую комнату, гдѣ онъ занимался дѣлами». Очевидно, многіе одесситы, не близко знавшіе Гоголя, и полагали, что онъ жилъ у кн. Рѣпнина.

О помѣщеніи Гоголя въ домѣ Трощинскаго Тройницкій сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: Гоголь жилъ во флигелѣ дома [1]),

---

части его, которая находилась съ лѣвой стороны, если стать противъ него, и которая дѣлала какъ бы выступъ къ улицѣ, была у кн. Рѣпниной домашняя церковь; священникомъ былъ извѣстный одесситамъ о. Михаилъ Діевскій (сообщено Н. И. Ленцомъ), а псаломщикомъ о. Карчевскій (см. выше стр. 6 въ примѣч. 1). По продажѣ дома кн. Рѣпниною церковь перешла въ домъ гр. М. Д. Толстого (на углу Преображенской и Софіевской ул.), гдѣ оставалась очень долго; теперь она закрыта. Но относительно мѣстопребыванія кн. Рѣпниной въ Одессѣ въ это время есть и иныя показанія; такъ о. Карчевскій писалъ въ 1899 г. Л. С. Мацьевичу, что домъ, гдѣ жила кн. Рѣпнина и гдѣ была ея церковь, находился у Сабанѣева моста и принадлежалъ гр. Мощинскому. Въ спискѣ одесскихъ домовъ въ 1851 году такого дома не имѣется и Г. Г. Маразли, знавшій гр. Мощинскаго, не помнитъ даже, чтобы у него былъ въ Одессѣ домъ. Не желалъ ли о. Карчевскій сказать, что домъ принадлежалъ гр. Млодецкому? У него дѣйствительно былъ домъ на углу Надеждинской улицы и Сабанѣевскаго проѣзда, перешедшій къ г. Штейнбергу, затѣмъ къ г-жѣ Ціонъ (женѣ извѣстнаго физіолога и публициста), а нынѣ къ г. фонъ-Деши. Кн. В. Н. Рѣпнинъ жилъ на углу Херсонской и Торговой ул., вблизи нынѣшняго зданія Университета, въ д. Кандыбы (нынѣ Агаркова); это хорошо помнитъ Н. И. Ленцъ, нерѣдко бывавшій у жившаго съ кн. Рѣпниными А. И. Павловскаго (см. далѣе). Правда, у кн. Рѣпнина въ то время былъ и собственный домъ въ Одессѣ—на Екатерининской площади (послѣдовательно принадлежалъ Мичри, Катакази, Анушу, а теперь д. Монисова и Блюгермана), и Стурдза выражается такъ, какъ будто бы кн. Рѣпнинъ жилъ въ собственномъ домѣ; но даже на моей памяти здѣсь былъ очень плохой домъ, гдѣ кн. Рѣпнину трудно было бы помѣщаться. Н. О. Лернеръ говоритъ, что кн. Рѣпнинъ жилъ на Херсонской ул. въ собственнамъ домѣ, ссылаясь на Н. И. Ленца. Не принадлежалъ ли домъ Кандыбы раньше кн. Рѣпнину?

[1]) По сообщенію г. Деменитру—во 2-мъ этажѣ, который существуетъ и теперь, на право отъ воротъ; замѣтимъ пока, что флигель этотъ задней стороной вплотную примыкаетъ къ флигелю дома П. Ковалевскаго и С. Деппъ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

въ двухъ комнатахъ; въ одной изъ нихъ стоялъ только круглый ясеневый столъ, на которомъ лежала одна книжка — Новый завѣтъ на греческомъ языкѣ. Въ другой—кровать, два стула и у окна ясеневая конторка, на которой лежала толстая тетрадь и полулистъ.

Какъ будто противорѣчитъ словамъ Тройницкаго показаніе Гоголя въ письмѣ къ Шевыреву изъ Одессы отъ 7 ноября: «Помѣстился я такимъ образомъ, что мнѣ покойно и никто не можетъ мнѣ мѣшать, въ домѣ родственника моего, котораго, впрочемъ, самаго въ Одессѣ нѣтъ, такъ что мнѣ даже очень просторно и подъ часъ пустынно». Но, во-первыхъ, это можетъ относиться къ пустотѣ усадьбы Трощинскаго вообще; во-вторыхъ, возможно, что Гоголь уже послѣ письма къ Шевыреву избралъ въ ней для себя двѣ комнаты, гдѣ и расположился.

Обращаясь теперь къ тѣмъ свѣдѣніямъ о жизни Гоголя въ Одессѣ, которыя можно извлечь изъ его писемъ, укажемъ, что въ изданіи Шенрока помѣщено ихъ 18 [1]). Раньше всего (26-го октября) написалъ онъ къ Смирновой [2]). Извѣщая ее о прибытіи въ Одессу и жалуясь на свою лѣнь, Гоголь пишетъ далѣе «Можетъ быть прійдется остаться въ Одессѣ всю зиму. Хоть и страшатъ меня здѣшніе вѣтры, которые, говорятъ, зимой невыносимо суровы, но и сила моря была такъ полезна моимъ нервамъ! Авось либо Черное море сколько нибудь будетъ похоже на Средиземное.» Затѣмъ онъ предлагаетъ Смирновой прожить зиму въ Одессѣ и сообщаетъ, что уже видѣлся съ Стурдзою.

На это письмо Смирнова отвѣтила 24 ноября, а Гоголь въ свою очередь писалъ ей 23 декабря слѣдующее: «О себѣ покуда скажу, что Богъ хранитъ, даетъ силу работать и трудиться. Утро постоянно проходитъ въ занятіяхъ, не тороплюсь и осматриваюсь.... Зима здѣсь въ этомъ году особенно благопріятна.

[1]) См. Письма, IV, 353—367 и 369—379, а также на стр. 292—293 письмо къ Жуковскому; причемъ въ письмѣ этомъ значится, что оно писано изъ Одессы въ концѣ 1850 г., между тѣмъ издатель почему то помѣстилъ его среди писемъ начала 1850 г. За то письма на стр. 368—369 и 379—382 не относятся къ одесскимъ; см. выше стр. 15 прим. 4.

[2]) Въ отвѣтъ на ея письмо, полученное еще въ Малороссіи.

Временами солнце глядитъ такъ радостно, такъ по южному! Такъ вдругъ и напомнится кусочекъ Ниццы.»

Къ матери Гоголь писалъ четыре раза (28 октября, 20 генваря, 4 и 21 марта); въ первомъ письмѣ онъ жалуется на дорогу [1]) и пишетъ, что пришедшія изъ Константинополя вѣсти [2]), что тамъ неспокойно, заставляютъ его призадуматься: ѣхать ли туда въ этомъ году? Мысль объ этой поѣздкѣ явилась у Гоголя потому, что Одесса встрѣтила его вначалѣ очень неблагопріятною погодою. «Оставаться въ Одессѣ», пишетъ онъ далѣе, «тоже не весьма заманчиво для моего некрѣпкаго здоровья Климатъ здѣшній, какъ я вижу, суровъ и съ непривычки кажется суровѣе московскаго. Я же, въ увѣренности, что ѣду въ жаркій климатъ, оставилъ свою шубу въ Москвѣ; но, положимъ, отъ внѣшняго холода можно защититься; какъ защититься отъ того же въ здѣшнихъ продувныхъ домахъ? Боюсь этого потому, что это имѣетъ большое вліяніе на мои занятія» 20 января онъ писалъ матери: «Здоровье мое нѣсколько было опять поиспортилось. Весь декабрь (т. е. покуда было тепло) я чувствовалъ себя очень хорошо, но съ началомъ января и съ наступленіемъ холодовъ опять пошли недуги. Впрочемъ, теперь, слава Богу, они нѣсколько успокоились.» Гоголь раньше обѣщалъ выслать сестрѣ Аннѣ изъ Одессы ноты, но не выслалъ, такъ какъ онѣ были въ Одессѣ дороги, и ничего не было новаго; и съ пересылкой возня и продавцы народъ продувной. Гоголь рѣшилъ выписать ноты, при посредствѣ Шевырева [3]), изъ Москвы, гдѣ книгопродавцы и нотопродавцы снабжены гораздо лучше одесскихъ. 3-е письмо къ матери, отъ 4 марта, вовсе не содержитъ одесскихъ вѣстей, а въ 4-мъ, отъ 21 марта, Гоголь сообщаетъ лишь о пріѣздѣ въ Одессу Дм. Андр. Трощинскаго.

Къ Шевыреву Гоголь писалъ изъ Одессы тоже четыре раза (7 ноября, 15 декабря, въ концѣ февраля и 18 марта). Въ письмѣ отъ 7 ноября онъ извѣщаетъ Шевырева о пріѣздѣ въ Одессу и о томъ, что одесская зима, по забраннымъ свѣдѣніямъ, мало чѣмъ лучше московской и онъ не прочь бы вернуться въ

[1]) Жалобы приведены выше.

[2]) Онъ получилъ ихъ отъ Стурдзы.

[3]) Онъ осуществилъ это намѣреніе уже въ Москвѣ, см. Письма, IV, 418.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. МЕЧНИКОВА

Москву; но въ Одессѣ живется ему покуда слава Богу. «Общество у меня весьма пріятное: добрѣйшій Стурдза, съ которымъ вижусь довольно часто, семейство кн. Рѣпниныхъ, изъ здѣшнихъ профессоровъ Павловскій, преподаватель богословія и философіи, Михневичъ, Мурзакевичъ, потомъ нѣсколько добрыхъ товарищей еще по Нѣжинскому лицею. Словомъ, со стороны пріятнаго препровожденія грѣхъ пожаловаться. Дай только Богъ, чтобы не подгадило здоровье». Далѣе Гоголь сообщаетъ о своемъ помѣщеніи[1]) и оканчиваетъ письмо такимъ извѣстіемъ, которое показываетъ, что ему не было, пожалуй, надобности собирать тогда свѣдѣнія о неудобствахъ одесской погоды: «5 ноября въ Одессѣ во множествѣ выпалъ снѣгъ и съ одного разу сдѣлалась санная дорога: диво, доселѣ, говорятъ невиданное». «Вообще», пишетъ онъ, «климатъ Одессы я нахожу мало чѣмъ лучше московскаго.»

Второе письмо къ Шевыреву, отъ 15 декабря, послано черезъ Мурзакевича, который къ Рождеству долженъ былъ пріѣхать въ Москву; какъ и въ первомъ письмѣ (и въ послѣдующихъ тоже), главное мѣсто занимаютъ хлопоты Гоголя по изданію своихъ сочиненій, одесскаго же содержанія нѣтъ вовсе; лишь въ письмѣ отъ конца февраля онъ сообщаетъ, что одесская зима была еще довольно сносна и голова его была свѣжѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

Два раза писалъ Гоголь С. Т. Аксакову (7 ноября и 23 декабря). Въ первомъ письмѣ онъ извѣщаетъ, что въ Одессѣ останется на зиму, познакомился съ Казначеевымъ, который ему показался добрымъ человѣкомъ, и часто видится съ Стурдзой, кн. Рѣпниными, Титовыми и со многими старыми товарищами по школѣ. Во второмъ—онъ пишетъ лишь: «меня тоже Богъ милуетъ и хранитъ: зима здѣшняя благопріятна мнѣ, занятія мои потихоньку идутъ.»

Два раза же писалъ Гоголь и Плетневу (2 декабря и 25 января)[2]). Изъ перваго письма извлекаемъ слѣдующее: «Слабая натура моя ужъ такъ устроилась, что чувствуетъ жизненность только тамъ, гдѣ тепло нетопленное. Слѣдовало бы и теперь выѣхать хоть въ Грецію; затѣмъ, признаюсь, и пріѣхалъ въ Одессу; но такая одолѣла лѣнь, такъ стало жалко разлучаться съ православною Русью, что рѣшился остаться здѣсь, понадѣясь на русскій авось, то есть авось либо русская зима въ Одессѣ будетъ сколько нибудь милостивѣй московской.» Во второмъ письмѣ Гоголь даетъ о себѣ такія любопытныя свѣдѣнія: «Я уже давно веду образъ жизни регулярный, или лучше — необходимый моему здоровью. Занимаюсь только поутру; въ 11 ч. вечера въ постели. Стаканъ холодной воды натощакъ и ввечеру.»

[1]) См. выше, стр. 20.

[2]) Было еще одно письмо (въ половинѣ декабря), посланное съ Мурзакевичемъ, но въ изданіи Шенрока оно не помѣщено.

Два письма къ живописцу Иванову (16 декабря и 18 марта[1]) вовсе лишены одесскаго содержанія, равно какъ и письмо (отъ 30 декабря) къ о. Матвѣю[2]); да и въ письмѣ къ Жуковскому (отъ конца декабря) указывается лишь, что зима этого года была благосклоннѣе къ Гоголю, чѣмъ предшествующая.

Но это не всѣ письма Гоголя изъ Одессы. Изъ отвѣта Святогорца[3]) видно, что Гоголь писалъ ему тогда въ Константинополь и спрашивалъ о числѣ церквей въ этомъ городѣ, а 30 декабря 1850 г. Гоголь послалъ письмо монаху Порфирію въ Оптину пустынь.

Въ результатѣ письма Гоголя изъ Одессы даютъ довольно скудный матеріалъ для его біографіи: онъ колеблется еще оставаться ли ему здѣсь? видимо, подъ вліяніемъ плохой погоды въ концѣ октября и началѣ ноября; въ декабрѣ погода хорошая и Гоголю живется недурно; въ январѣ она портится, но вскорѣ снова дѣлается благопріятною, и онъ успокоивается; въ общемъ Гоголь климатомъ Одессы доволенъ и работается ему здѣсь не дурно[4]). Около него складывается пріятное ему общество: все время онъ посѣщаетъ однихъ знакомыхъ, видится съ другими; но свѣдѣній о нихъ даетъ очень мало.

[1]) Въ Матерьялахъ, III, 249, есть странное указаніе въ письмѣ Иванова, что къ нему было письмо Гоголя изъ Одессы 18 декабря 1851 г., вѣроятно описка—вмѣсто 18 марта.

[2]) Извѣстный о. Матвѣй Константиновскій изъ г. Ржева. Впрочемъ, онъ и ему сообщаетъ о своихъ успѣшныхъ занятіяхъ.

[3]) Іеромонахъ Сергій, въ міру С. Веснинъ.

[4]) См. далѣе.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМЕНІ І. І. МЕЧНИКОВА

Конечно, въ Одессѣ Гоголь и получалъ письма отъ своихъ корреспондентовъ; такъ отъ матери онъ здѣсь получилъ два письма, тоже отъ Шевырева; отъ Смирновой, Иванова, и Святогорца по одному, отъ Плетнева и Аксакова тоже по одному, такъ какъ вторыя письма ихъ пришли въ Одессу уже послѣ выѣзда Гоголя и были доставлены ему въ Малороссію. Затѣмъ писали ему въ Одессу И. А. Фонвизинъ, рекомендуя ему одесита Д. М. Фонвизина [1]) и іеромонахъ Порфирій изъ Оптиной пустыни, но письма ихъ лишены какихъ либо интересныхъ для насъ свѣдѣній; безпокоили Гоголя въ Одессѣ письма книгопродавцевъ, особенно Лисенкова, желавшаго издавать его сочиненія [2]), и Гоголь просилъ Плетнева разсказывать, что онъ вскорѣ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ.

Гораздо обильнѣе матерьялъ, находящійся въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ одесскихъ его знакомыхъ, къ которому я теперь и перехожу.

Н. В. Неводчиковъ сообщаетъ немногое, да и видѣлъ онъ Гоголя въ этотъ періодъ два раза. Прибывъ въ Одессу, Гоголь незамедлилъ посѣтить Стурдзу [3]). Тотъ, будучи занятъ какимъ то дѣломъ, поручилъ Неводчикову занять Гоголя, который узналъ его и жаловался на дорогу подъ Одессой. На другой день Неводчиковъ уѣхалъ въ Екатеринославъ, откуда переписывался со Стурдзою, сообщившимъ ему, что Гоголь прилежно занимается греческой библіей [4]) и часто у него бываетъ. Въ январѣ 1851 г. Неводчиковъ прибылъ въ Одессу, остановился у Стурдзы и разъ обѣдалъ у него съ Гоголемъ. «Какъ теперь вижу, сообщаетъ Неводчиковъ, смиренно сидящаго (Гоголя) за столикомъ и говорящаго объ одной изъ книжекъ твореній свв. отцовъ въ русскомъ переводѣ». — «А вы что читаете?», вдругъ спросилъ онъ Неводчикова. «Второй томъ сказаній русскаго народа». —

[1]) Сынъ декабриста; онъ жилъ и умеръ въ Одессѣ и похороненъ на Старомъ кладбищѣ, близь церкви.

[2]) Объ этомъ Лисенковъ писалъ 13 ноябри 1850 г. въ Одессу Криворотову. Русск. Стар. 1898 г., VI, 605—606.

[3]) Стурдза жилъ въ своемъ домѣ на Екатерининской ул., нынѣ кн. Гагарина.

[4]) См. выше стр. 20 разсказъ Тройницкаго.

«Славная книга», замѣтилъ Гоголь: «тамъ есть отдѣлъ особенно любопытный — народный дневникъ.» — [1])

Воспоминанія Стурдзы имѣютъ болѣе общій характеръ: «Гоголь прибылъ въ Одессу и, какъ нарочно, умѣренная зима ласково встрѣтила и покоила невзыскательнаго любителя тишины, нешумныхъ бесѣдъ и уединенныхъ кабинетныхъ занятій. Сколько ни старались тогда заманить одинокаго мыслителя въ кругъ такъ называемаго большого свѣта — онъ вѣжливо уклонялся, сколько могъ, отъ самыхъ лестныхъ приглашеній, довольствуясь прогулками и частыми посѣщеніями весьма немногихъ, въ томъ числѣ и меня. Истощался ли дружескій разговоръ, Гоголь охотно принимался за чтеніе вслухъ и читалъ, какъ говорилъ, т. е. съ пріятною важностью. Когда я бывалъ у него, онъ съ удовольствіемъ увѣрялъ меня, что умственная работа подвигается у него впередъ и услаждаетъ для него часы уединенія. Даже въ домѣ кн. Р. (Рѣпнина) отвели для Гоголя особую комнату, гдѣ онъ занимался дѣлами, а потомъ выходилъ въ гостинную и тамъ отдыхалъ въ дружественномъ собесѣдованіи. Во всѣ воскресные и праздничные дни можно было встрѣтить Гоголя въ церкви, въ толпѣ молящихся, а во время великаго поста Гоголь умѣлъ отторгаться безъ огласки отъ сообщества людей и посвящать по нѣсколько дней врачеванію души своей и благомыслію». Дополняются эти воспоминанія свѣдѣніями, находящимися въ письмѣ Гоголя къ Смирновой: въ одинъ изъ первыхъ же дней по пріѣздѣ онъ явился къ Стурдзѣ хотя и на короткое время; отъ него онъ узналъ кучу новостей о Востокѣ и обо всемъ, интересномъ для Смирновой, но выслушиваніе ихъ онъ отложилъ до другого времени; Плетневу и Аксакову онъ сообщалъ, что часто бываетъ у Стурдзы.

Гоголь писалъ [2]), что изъ кружка Стурдзы видѣлся съ Павловскимъ, Михневичемъ и Мурзакевичемъ, которые, къ сожалѣнію, не оставили своихъ о немъ воспоминаній; отъ М. К. Павловскаго сохранилось лишь письмо къ Гоголю, отъ 30-го октября 1850 г., при посылкѣ ему иконы Св. Николая Чудо-

[1]) Что Гоголь интересовался такими дневниками, видно изъ письма его къ А. М. Марковичу лѣтомъ 1849 г.; см. Письма IV, 266—268.

[2]) См. выше.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. МЕЧНИКОВА

творца. Мурзакевича же вмѣстѣ съ Гоголемъ видѣлъ одесситъ О. С. Хаисъ [1]).

Къ тому же кружку Стурдзы принадлежали: Казначеевъ, одесскій градоначальникъ, съ которымъ Гоголь тогда познакомился [2]), и Титовы, т. е. П. И. Титовъ, непремѣнный членъ строительнаго комитета, и супруга его Ю. М. Титова; по воспоминаніямъ одесскихъ старожиловъ, Титовы были люди гостепріимные и жили въ Одессѣ очень открыто.

Посѣщалъ Гоголь и въ этотъ пріѣздъ Н. Гр. Тройницкаго и Л. С. Пушкина, изъ коихъ первый жилъ въ собственномъ домѣ на Новой улицѣ [3]), близь Троицкаго монастыря, а второй на углу Греческой и Преображенской улицъ [4]); бывали и они у Гоголя. Воспоминанія Тройницкаго о жилищѣ Гоголя приведены выше; неневозможно, что и нѣкоторыя указанія, отнесенныя мною къ 1848 г. [5]), могутъ касаться послѣдующаго времени; но вотъ что навѣрное въ воспоминеніяхъ Тройницкаго относится къ 1850—1851 г.: «Вообще Гоголю было привольнѣе въ дружескомъ кружкѣ, чѣмъ въ большомъ обществѣ... Гоголь уже находился тогда подъ разъѣдающимъ настроеніемъ того мистицизма, изъ котораго, повидимому, онъ и самъ не усматривалъ выхода». Въ окончаніи уже не разъ цитированнаго мною стихотворенія Тройницкій выражается такъ:

«Ни люстръ, висящихъ съ потолка,
Ни бронзъ, ни утвари красивой
Въ укромной сѣни уголка,
Когда въ Одессѣ суетливой
Ты проживалъ—я не видалъ.
О нихъ ты мало помышлялъ.
Всего двѣ горенки: въ одной
Завѣтъ Спасителя, въ другой —
Гдѣ воплощалась мысль твоя,
Лежала рукопись. Въ ея
Потомъ сожженные листы
Ты заносилъ свои мечты.
И думалъ ты, что трудъ упорный,
Многострадальный, плодотворный
Свершенъ. Одинъ ударъ рѣзца
До вождѣленнаго конца
Тебѣ, казалось, оставался.
И ты простился и разстался—
Разстался съ нами навсегда».

[1]) О. С. Хаисъ въ то время былъ воспитанникомъ училища г. Штерна. Когда онъ съ товарищами проходилъ по Сабанѣеву мосту, они замѣтили, что впереди ихъ шолъ хорошо извѣстный имъ въ качествѣ высшаго учебнаго начальства, и довольно грознаго, Мурзакевичъ съ другимъ господиномъ. Кто то изъ старшихъ воспитанниковъ произнесъ: «Гоголь»! Тогда какой-то мальчикъ скаламбурилъ: «Гоголь-моголь», подразумѣвая подъ послѣднимъ Мурзакевича. Всѣ захохотали, но старшіе уняли мальчиковъ и, когда воспитанники вернулись въ училище, то г. Штернъ разъяснилъ имъ, кто такой Гоголь, и возбудилъ въ нихъ охоту прочесть его произведенія (сообщено мнѣ О. С. Хаисомъ).

[2]) См. выше стр. 22.

[3]) Теперь домъ Августиновичъ, на улицѣ Маразли.

[4]) Такъ у Лернера,—конечно, на основаніи показанія А. Л. Деменитру; въ другой редакціи разсказа Деменитру (см. далѣе) указано, что Пушкинъ жилъ во II этажѣ дома, нынѣ принадлежащаго г. Мими, а самъ г. Деменитру въ I этажѣ этого дома.

[5]) См. выше стр. 7.

По воспоминаніямъ Гр. А. Тройницкаго, Гоголь бывалъ у отца его (брата Н. Г. Тройницкаго) А. Г. Тройницкаго [1]) и даже обѣдалъ у него; но другихъ свѣдѣній о пребываніи Гоголя въ Одессѣ Гр. А. Тройницкій сообщить мнѣ не могъ.

О томъ, что Гоголю случалось обѣдать у Л. С. Пушкина, сообщаетъ А. Л. Деменитру, бывшій въ то время студентомъ Ришельевскаго лицея. По его разсказу [2]), худой, блѣдный, съ длиннымъ выдающимся и острымъ, словно птичьимъ носомъ, Гоголь своей наружностью, эксцентрическими манерами производилъ на своего новаго знакомаго весьма странное впечатлѣ-

[1]) Онъ былъ въ то время членомъ Совѣта Одесскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ и редакторомъ газеты «Одесскій Вѣстникъ». Домъ А. Г. Тройницкаго находился на углу Нѣжинской и Дворянской ул. и нынѣ принадлежитъ В. Н. Рашееву.

[2]) Разсказъ г. Деменитру напечатанъ Н. О. Лернеромъ въ Русск. Стар. 1900 г. № 11, стр. 322—326, а въ нѣсколько иной редакціи въ Одесскомъ Листкѣ, откуда перепечатанъ въ Кіевской Газетѣ, а оттуда въ Литературномъ Вѣстникѣ кн. I, 1902 г., стр. 141—142.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

ніе какого то «буки». На великомъ писателѣ тогда уже лежала печать нездѣшняго міра. Всѣ окружающіе оказывали творцу «Мертвыхъ Душъ» знаки величайшаго вниманія; но Гоголя это стѣсняло и коробило, и онъ относился какъ то небрежно къ этимъ проявленіямъ уваженія своихъ поклонниковъ. Онъ былъ вялъ, угрюмъ, сосредоточенъ; говорилъ очень мало. За обѣдомъ его всячески старались растормошить,—что называется «разговорить», заводя рѣчь о предметахъ, которые, казалось, могли его заинтересовать; но онъ былъ по прежнему молчаливъ и угрюмъ. Одна дама обратилась къ нему съ какимъ то вопросомъ,—но, уткнувшійся въ свою тарелку, Гоголь ничего не отвѣтилъ, какъ будто не разслышалъ вопроса (а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не разслышалъ). Его оставили въ покоѣ и заговорили о мѣстныхъ одесскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Кто то произнесъ фамилію негоціанта — грека Родоканаки. При этомъ словѣ Гоголь на мгновеніе встрепенулся и спросилъ Деменитру, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ: «Это что такое? фамилія такая?» —«Да, подтвердилъ Деменитру: это фамилія». — «Ну, это Богъ знаетъ что, а не фамилія», сказалъ Гоголь: «Этакъ только обругать человѣка можно: ахъ ты, рррродоканака ты этакая!» Всѣ разсмѣялись, а Гоголь опять погрузился въ свои мысли.

Обѣдъ кончился. Хозяева и гости перешли въ гостинную. Зашелъ разговоръ о Лермонтовѣ. Левъ Сергѣевичъ досталъ и показалъ гостямъ перчатку Лермонтова, снятую съ руки безвременно погибшаго поэта послѣ его злополучной дуэли. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на эту реликвію; но Гоголь не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и, казалось, не слушалъ и разсказа хозяина дома о Лермонтовѣ, котораго Левъ Сергѣевичъ близко знавалъ [1]).

Мнѣ разсказывалъ М. М. Дитерихсъ, что онъ ребенкомъ пришелъ съ родителями [2]) обѣдать къ Л. С. Пушкину и увидѣлъ сидящаго въ залѣ въ креслѣ незнакомаго человѣка съ такою страшною изможденной физіономіей, что испугался и расплакался.

---

[1]) Зналъ его, какъ извѣстно, и Гоголь.

[2]) Отецъ его чуть ли не лѣчилъ Гоголя въ Одессѣ—см. далѣе.

Это былъ Гоголь. Такой отзывъ о наружности Гоголя въ это время подтверждается и другими свидѣтельствами [1]).

Чтобы исчерпать всѣ свѣдѣнія о Гоголѣ въ воспоминаніяхъ А. Л. Деменитру, приведу еще два мѣста: Деменитру бывалъ у Картамышевыхъ, жившихъ, по его словамъ, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ Ковалевскому и Деппъ, бокъ о бокъ съ Гоголемъ, и иногда слышалъ несшійся изъ комнаты Гоголя вздохъ и шопотъ молитвы: «Господи помилуй! Господи помилуй!». Мнѣ кажется, что этимъ показаніемъ Деменитру объясняется его воспоминаніе, что и Гоголь жилъ въ домѣ Ковалевской: Картамышевы, вѣроятно, жили во флигелѣ этого дома, вплотную соприкасавшемся съ флигелемъ дома Трощинскаго, въ которомъ жилъ Гоголь; при обычной тонкости одесскихъ стѣнъ, Деменитру могъ слышать, что дѣлается у Гоголя, и потому заключить, что онъ живетъ въ одномъ домѣ съ Картамышевыми.

Другое воспоминаніе г. Деменитру заключается въ томъ, что Гоголь старательно избѣгалъ какихъ бы то ни было знаковъ вниманія къ нему, какъ къ писателю. Зачитывавшіеся его произведеніями студенты Ришельевскаго лицея съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ и любопытствомъ, оглядывали на улицѣ странно одѣтаго съ сумрачнымъ и скорбнымъ болѣзненнымъ лицомъ, геніальнаго поэта, уже человѣка «не отъ міра сего». Тѣ, что были посмѣлѣе, даже слѣдовали за нимъ, правда, въ довольно почтительномъ отдаленіи. Это раздражало Гоголя и, завидя студентовъ, шедшихъ ему на встрѣчу, онъ иной разъ бѣгствомъ въ первыя попавшіяся ворота спасался отъ стѣснявшаго и тяготившаго его, такъ сказать и внѣшне и внутренне, вниманія молодежи [2]).

---

[1]) Интересно однако, что незадолго до этого времени Гоголь сдѣлалъ предложеніе гр. Вьельгорской; впрочемъ, въ письмѣ къ ней онъ говоритъ о себѣ скорѣе какъ о ея хранителѣ.

[2]) В. М. Масаловъ, въ то время гимназистъ (затѣмъ извѣстный одесскій учитель, нынѣ покойный), разсказывалъ мнѣ, что онъ разъ шолъ по Преображенской за человѣкомъ въ длинномъ плащѣ. Кто то сказалъ ему, что это Гоголь; Масаловъ ускорилъ шаги; но Гоголь замѣтилъ это и вошелъ въ первыя ворота.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Въ другой редакціи разсказа г. Дементиру [1]) есть кое что, не имѣвшееся въ разсказѣ, сообщенномъ г. Лернеромъ, а именно:

«Я былъ хорошо принятъ въ домѣ Л. С. Пушкина. У него былъ открытый домъ и хозяинъ слылъ за хлѣбосола и отличался гостепріимствомъ. У него собирались представители различныхъ слоевъ общества и проводили время очень весело. Когда Гоголь прибылъ въ Одессу, онъ также сталъ навѣщать его. Посѣщенія Гоголя сдѣлали еще болѣе интересными вечера Пушкина. Гоголь всегда былъ центромъ всеобщаго вниманія. Около него группировались кружки. Каждый старался ловить его слова; обращали вниманіе на малѣйшее его движеніе и пр. Но, къ сожалѣнію, Гоголь въ большинствѣ случаевъ бывалъ въ сумрачномъ настроеніи, мало говорилъ и даже не отвѣчалъ на вопросы.

Однажды, продолжаетъ Дементиру, я получилъ отъ Пушкина записку съ приглашеніемъ на обѣдъ. На него былъ званъ и Гоголь. Къ обѣду явились также членъ одесской таможни Моршанскій [2]) и бывшій тогда въ Одессѣ екатеринославскій предводитель дворянства Мизко. Входитъ Гоголь въ испанской мантилькѣ, подбитой бархатомъ. Видъ у него сумрачный».

Далѣе относительно этого обѣда сообщено тоже, что и въ редакціи г. Лернера, и разсказанъ анекдотъ о Родоканаки.

Затѣмъ г. Дементиру сообщаетъ, что Гоголь жилъ на Надеждинской ул., въ д. Трощинскаго [3]). «Я часто посѣщалъ въ этомъ домѣ одного своего пріятеля [4]) и мы, сидя въ его квартирѣ, не рѣдко слышали пѣніе Гоголя; онъ обыкновенно исполнялъ духовныя пѣснопѣнія». Гоголь поддерживалъ хорошія отношенія съ тогдашнимъ директоромъ Ришельевскаго лицея Мурзакевичемъ и инспекторомъ лицея Соколовымъ [5]). Мурзакевичъ

---

[1]) См. выше стр. 27 примѣч.; но во второй редакціи ошибочно изложено, что воспоминанія относятся къ 1850 г., когда Гоголь прибылъ въ Одессу на обратномъ пути изъ Св. Земли.

[2]) Не совсѣмъ точно, см. далѣе.

[3]) Но не говорится, что это былъ домъ Ковалевской.

[4]) Конечно, одного изъ Картамышевыхъ; можетъ быть, и Картамышевы жили тогда во флигелѣ дома Трощинскаго, т. е. нынѣ Шульца?

[5]) Гр. И. Соколовъ; онъ перешелъ изъ инспекторовъ лицея 23 ноября 1850 г. въ одесскіе цензоры.

былъ хорошій нумизматъ, а Гоголь интересовался нумизматикой. Въ заключеніе г. Дементиру разсказываетъ, какъ Гоголь избѣгалъ на улицѣ студентовъ, оказывавшихъ ему вниманіе.

Изъ семьи кн. Рѣпниныхъ и ихъ кружка приведу раньше всего воспоминанія о Гоголѣ въ Одессѣ княжны В. Н. Рѣпниной: «Въ Одессѣ, гдѣ Гоголь проживалъ довольно долго, онъ почти ежедневно бывалъ у моего брата (кн В Н. Рѣпнина), который отвелъ ему особенную комнату съ высокой конторкой, чтобы ему можно было писать стоя, а жилъ онъ — не знаю гдѣ. У моего брата жили молодые люди, малороссіяне, занимавшіеся воспитаніемъ его младшихъ дѣтей [1]). Жена моего брата (кн. Е. П. Рѣпнина) была хорошей музыкантшей. Гоголь просилъ ее аккомпанировать хору всей этой молодежи на фортепьяно и они подъ руководствомъ Гоголя пѣли украинскія пѣсни. Къ матери моей (мы жили въ другомъ домѣ) онъ приходилъ довольно часто, былъ къ ней очень почтителенъ, всегда цѣловалъ у нея руку [2]). Онъ рекомендовалъ ей проповѣди какого то епископа Іакова [3]) и однажды, заставъ Глафиру Ивановну [4]), которая читала вслухъ матери моей «Мертвыя Души», онъ сказалъ: какую чертовщину вы читаете, да еще въ великій постъ. У матери моей была домовая церковь. Гоголь приходилъ къ обѣднѣ, становился въ уголъ за печкой и молился, какъ мужичокъ – по выраженію одного молодого слуги, т. е. клалъ земные поклоны и стоялъ благоговѣйно. Этотъ же слуга доложилъ о немъ однажды что пришелъ сочинитель, что Гоголя и насъ разсмѣшило».

Кн. В. Н. Рѣпнина дала въ Одессѣ прочесть Гоголю свой отзывъ о Мертвыхъ Душахъ, написанный ею въ 1846 г., до

---

[1]) У кн. В. Н. Рѣпнина къ 1854 г. (см. Росс. Родосл. книга, изд. кн. П. Долгорукимъ, ч. I. Спб. 1854 г., стр 274) было, кромѣ старшаго сына Николая, еще два сына: Петръ и NN и дочь Варвара. Однимъ изъ этихъ молодыхъ людей былъ, вѣроятно, Арк. Ил. Павловскій (см. далѣе), другимъ какой то Животовскій (сообщено Н. И. Ленцомъ).

[2]) Впрочемъ, въ 1850-хъ годахъ существовалъ обычай, въ силу котораго мущины «подходили къ ручкамъ» всѣхъ дамъ.

[3]) См. далѣе.

[4]) Дунинъ-Барковскую, урожденную Псіолъ, — вдову, жившую у кн. В. А. Рѣпниной.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. МЕЧНИКОВА

вольно восторженный, и Гоголь сказалъ ей: «вы меня поняли, но слишкомъ высоко поставили въ своемъ мнѣніи».

Немного дополняютъ эти свѣдѣнія воспоминанія о. Карчевскаго [1]), бывшаго псаломщикомъ въ домовой церкви кн. Рѣпниной. О. Карчевскій обучилъ церковному пѣнію хоръ мальчиковъ и они пѣли въ этой церкви. Гоголь посѣщалъ ее по праздникамъ и, судя по наблюденіямъ о. Карчевскаго, молился искренно. О глубокой въ то время религіозности Гоголя говорила о. Карчевскому и кн. Рѣпнина. Пѣніе устроеннаго имъ хора очень нравилось Гоголю и онъ просилъ его обучить церковнымъ напѣвамъ его, Гоголя, слугу; но у того не оказалось способностей и дѣло не пошло.

Затѣмъ оставила свои воспоминанія о Гоголѣ еще одна особа, пожилая дѣвица, жившая тогда у кн. В. Н. Рѣпнина; фамилія ея остается еще неизвѣстной, имя—Екатерина Александровна [2]). Доводившая преклоненіе передъ Гоголемъ до институтскаго обожанія, особа эта въ бытность Гоголя въ Одессѣ вела дневникъ, въ которомъ отмѣчала не только всѣ слова Гоголя, но даже чуть ли не всѣ жесты его [3]). Конечно, все это представляетъ для знакомства съ пребываніемъ Гоголя въ Одессѣ большой интересъ; но, къ сожалѣнію, и размѣръ дневника и самая мелочность его исключаютъ возможность приведенія его здѣсь полностью, и я извлекаю изъ него лишь наиболѣе существенныя данныя.

Гоголь пріѣхалъ 24 октября. Не разъ, какъ видно, бывалъ онъ у кн. Рѣпнина, но не такъ часто, какъ можно было бы предположить по показанію, что онъ даже жилъ у кн. Рѣпниныхъ; не рѣдко бывалъ и обѣдалъ онъ у кн. Рѣпниной, особенно въ тор

---

[1]) См. выше стр. 16.

[2]) По показанію Н. В. Неводчикова, въ 1861 г. ея уже не было въ живыхъ.

[3]) Первая часть этого дневника помѣщена была въ Библіографическихъ Запискахъ 1861 г. т. III, стр. 324—329, какъ продолженіе воспоминаній о Гоголѣ Н. В. Неводчикова; а полностью дневникъ напечатанъ В. Шенрокомъ по рукописи, полученной отъ Н. В. Неводчикова, т. е. Архіеп. Неофита, въ Русск. Арх. 1902 г. № 2, стр. 543—562; причемъ возстановлены прежніе пропуски въ первой части и раскрыты фамиліи, вмѣсто коихъ раньше были иниціалы.

жественные дни, напр., на Новый годъ; какъ видно, относительно пищи Гоголь не изнурялъ себя; въ дневникѣ даже записано разъ, что онъ былъ сонный послѣ русскаго обѣда.

Авторъ дневника записалъ многіе разговоры, какіе велъ Гоголь у кн. Рѣпниныхъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко: о религіи (очень часто), о воспитаніи, о творчествѣ, о женщинахъ (при чемъ ему случалось и дразнить автора дневника), очень часто о книгахъ, литературѣ и литераторахъ, въ томъ числѣ объ Аристофанѣ [1]), о поэмѣ Тегнера Фритьофъ, о Современникѣ, о популярныхъ будто бы сочиненіяхъ для крестьянъ (относясь къ такимъ сочиненіямъ иронически), о Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, объ Іаковѣ, епископѣ Нижегородскомъ [2]), о Пушкинѣ, Жуковскомъ, И. С. Тургеневѣ, Гнѣдичѣ, даже о Дибичѣ, Паскевичѣ, о революціи 1848 г. и пр. Разговоры о литературѣ и писателяхъ чаще всего были слѣдствіемъ того, что кто либо читалъ вслухъ какое либо сочиненіе; нерѣдко, хотя и не всегда охотно (предпочитая слушать чтеніе другихъ), читалъ вслухъ и Гоголь; такъ онъ читалъ Школу женщинъ Мольера [3]), Одиссею, Бориса Годунова (Пушкина), комедію Сологуба «Чужимъ добромъ не наживешься» [4]), а во время великаго поста житія святыхъ, четьи-минеи, псалтырь, проповѣди Филарета и др. По отзыву автора дневника, читалъ Гоголь превосходно, что, впрочемъ, общеизвѣстно, и съ особенной акцентуаціей. Иногда Гоголь даже передразнивалъ знакомыхъ, напр. M-me Гойеръ [5]).

Любилъ Гоголь слушать игру бывавшаго у кн. Рѣпниныхъ пьяниста Гартля.

---

[1]) Вслѣдствіе настойчивости учителя Павловскаго—см. далѣе.

[2]) См. выше воспоминанія кн. Рѣпниной. Объ Іаковѣ, еп. Нижегородскомъ и Арзамасскомъ есть особое сочиненіе—М. I. Москва. 1853 г.

[3]) См. далѣе.

[4]) Иначе: «Сотрудники». Любопытно указаніе Гоголя, что выведенные здѣсь литераторы изображаютъ: Олеговичъ—К. Аксакова, а Ухаревъ—не то Краевскаго, не то Некрасова.

[5]) А. Н. фонъ-Гойеръ въ 50-хъ годахъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Новороссійскомъ Генералъ-Губернаторѣ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. МЕЧНИКОВА

Отмѣтимъ еще и такія указанія: Гоголь нерѣдко бывалъ въ церкви у кн. Рѣпниной и стоялъ очень смирно; онъ былъ веселъ въ день Рождества Христова и говорилъ, что этотъ праздникъ въ Одессѣ напоминаетъ Свѣтлое Христово Воскресеніе: народъ на улицѣ, все на распашку. Онъ не разъ высказывался противъ западно-европейской цивилизаціи, противъ жизни въ городѣ, даже противъ удобной мебели.

У кн. Рѣпниныхъ Гоголь встрѣчался или познакомился съ другими одесситами, напр. съ Ильинымъ[1]), съ кн. Аргутинской-Долгорукой, которая тщетно приглашала его къ себѣ, съ Барановскимъ[2]) и др.[3]). Упоминаетъ авторъ дневника также и о «здѣшнемъ (т. е. въ домѣ кн. Рѣпниныхъ) корифеѣ Павловскомъ»[4]), который находилъ Гоголя недостаточно интереснымъ. Это не былъ, впрочемъ, извѣстный профессоръ М. К. Павловскій, а Аркадій Ильичъ[5]), который дѣтямъ кн. Рѣпнина давалъ уроки по миѳологіи; г. Лернеръ сообщаетъ даже (со словъ Н. И. Ленца), что уроки эти очень нравились Гоголю, на нихъ нерѣдко присутствовавшему.

Занесено въ дневникъ изъ устъ Гоголя и нѣсколько автобіографическихъ показаній и отзывовъ его о себѣ и своихъ

---

[1]) Видный членъ одесскаго общества, въ то время, кажется, нигдѣ не служившій.

[2]) См. далѣе.

[3]) См. далѣе описаніе вечера 26 марта.

[4]) Изъ дневника видно, что кн. Рѣпнины дѣйствительно очень о немъ заботились и изъ за него даже желали ѣхать на островъ Мадеру.

[5]) Арк. Ил. Павловскій, херсонскій уроженецъ, окончилъ въ 1849 г. Ришельевскій лицей, слѣдовательно въ 1850—1851 г. былъ еще очень молодъ; вслѣдствіе этого авторъ дневника сказалъ ему разъ въ лицо: «Вы молодой неопытный человѣкъ!» А въ другой разъ называетъ его «капризнымъ мальчикомъ». Въ дневникѣ онъ изображенъ заносчивымъ, спорщикомъ и т. п.; но Н. И. Ленцъ, бывшій въ 1850—1851 г. студентомъ лицея и близко знавшій А. И. Павловскаго, воспоминаетъ о немъ съ большимъ уваженіемъ. Впослѣдствіи А. И. Павловскій долго былъ преподавателемъ географіи въ С.-Петербургѣ, издалъ извѣстный сборникъ «Природа и люди» и скончался 1 сентября 1889 г.

сочиненіяхъ. Гоголь не говорилъ до трехъ лѣтъ; научился читать онъ, какъ ему кажется, лѣтъ въ 7; въ дѣтствѣ сперва любилъ карты, потомъ краски; теперь всякій день читаетъ главу изъ Библіи и изъ Евангелія на 4-хъ языкахъ: славянскомъ, латинскомъ, греческомъ и англійскомъ. Для работы Гоголю вовсе не надобно было уединенія. «Вотъ мнѣ такъ никогда такъ много не случалось работать, какъ тогда, когда у меня былъ кабинетъ въ бильярдной[1]). Я работаю, а подлѣ меня стукотня шарами. Избаловать себя не мудрено».

Авторъ дневника спросилъ Гоголя, почему бы ему не писать своихъ записокъ? Гоголь отвѣтилъ: «Я какъ то писалъ, но, бывши боленъ, сжегъ. Будь я болѣе обыкновенный человѣкъ, я бъ оставилъ, а то бы это непремѣнно выдали, а интереснаго ничего нѣтъ, ничего полезнаго и, кто бы издалъ, глупо бы сдѣлалъ. Я отъ этого и сжегъ». На вопросъ: «нѣтъ ли гдѣ вашего портрета?» Гоголь отвѣчалъ: «Кажется, нѣтъ. Впрочемъ, поискать, не найдется ли между уродами». Заставши разъ кн. В. А. Рѣпнину и Г. И. Дунинъ-Барковскую за чтеніемъ «Мертвыхъ Душъ», Гоголь сказалъ: «А что это! Это грязный дворникъ (дворикъ?), который долженъ привести къ чистому дому». А съ M-me Гойеръ у Гоголя произошелъ такой разговоръ:

— Скоро ли выйдетъ окончаніе «Мертвыхъ Душъ?»

— «Я думаю—черезъ годъ.»

— Такъ онѣ не сожжены? —

— «Да-а-а! Вѣдь это только нача-ало было.»

Около 14 января 1851 г. Гоголь захворалъ; у него въ теченіи двухъ дней былъ ознобъ и д-ръ Дитерихсъ сказалъ ему, что это не надо допускать: это предшествіе удара.

Вотъ и всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя удобно извлечь изъ дневника, не вдаваясь въ слишкомъ мелкія подробности[2]).

Особнякомъ стоятъ воспоминанія о Гоголѣ въ Одессѣ Н. Д. Мизко, новороссійскаго литератора: «Въ первый разъ я

---

[1]) Вѣроятно, это происходило въ Васильевкѣ.

[2]) Зато дневникъ хорошо знакомитъ съ обоими семействами кн. Рѣпниныхъ, съ образомъ жизни ихъ и т. п.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

увидѣлъ Гоголя января 9-го 1851 г. у одного стараго его знакомаго А. И. Орлая. Хозяинъ представилъ меня Гоголю въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ. Разговоръ былъ между тремя—четырьмя лицами общій о разныхъ предметахъ, не касавшихся литературы. Меня собственно, какъ уроженца и жителя Екатеринославской губерніи, Гоголь разспрашивалъ о Екатеринославѣ, о каменномъ углѣ въ нашей губерніи, о Святогорскомъ монастырѣ на мѣловыхъ горахъ... узнавъ же о намѣреніи моемъ побывать заграницей, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о планѣ и удобствахъ заграничнаго путешествія.

Черезъ день я сдѣлалъ визитъ Гоголю въ квартирѣ его, въ домѣ Трощинскаго. Это было около двухъ часовъ дня. Онъ стоялъ у конторки и, когда я вошелъ, встрѣтилъ меня привѣтливо. Я представилъ ему экземпляръ моего сочиненія «Столѣтіе русской словесности», сказавъ, что для меня очень лестно, если книга моя будетъ находиться въ его библіотекѣ. Онъ благодарилъ меня пожатіемъ руки и потомъ спросилъ: «Вы, кажется, еще что то издали въ Одессѣ?»

Я отвѣчалъ, что напечаталъ «Памятную записку» о жизни моего отца въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, собственно для родныхъ и друзей, и просилъ его принять отъ меня экземпляръ, такъ какъ по сочувствію его къ человѣчеству онъ сродни и лучшій другъ каждому человѣку. Онъ благодарилъ меня и сказалъ: «я описываю жизнь людскую; поэтому меня всегда интересуетъ живой человѣкъ болѣе, чѣмъ созданный чьимъ либо воображеніемъ, и оттого мнѣ и любопытнѣе всякихъ романовъ и повѣстей біографія и записки дѣйствительно жившаго человѣка».

Перелиставъ мою книгу: «Столѣтіе русской словесности», которую держалъ въ рукахъ, Гоголь замѣтилъ: «А у васъ вездѣ приведены образцы изъ нашихъ писателей! Это очень полезно. А то вообще господа преподаватели словесности сами лишь перечитываютъ сочиненія нашихъ писателей за своихъ слушателей, а имъ навязываютъ свои взгляды, чаще же не свои, а заимствованные. Лучше, если бы учащіеся сами читали сочиненія отечественныхъ писателей; тогда въ понятіяхъ о литературѣ нашей было бы болѣе самостоятельности».

Затѣмъ Гоголь спросилъ: «Это вы писали статью о «Мертвыхъ Душахъ» изъ провинціи?»

Я отвѣчалъ утвердительно и самъ спросилъ: читалъ ли онъ ее?

Онъ отвѣчалъ, что читалъ за-границей, нескоро послѣ того, какъ она была написана.

«А я думалъ, что она не попалась вамъ въ руки», отвѣчалъ я: «судя по предисловію ко 2-му изданію «Мертвыхъ Душъ», въ которомъ вы жалуетесь, что изъ провинціи не было подано ни одного голоса».

«Кажется», сказалъ Гоголь: «я читалъ статью вашу, написавъ предисловіе[1]). Я тогда же получилъ письмо изъ провинціи; оно не было напечатано. Меня интересовали мнѣнія провинціальныя. Истинно русская жизнь сосредоточена преимущественно въ провинціи».

Отъ этого разговоръ перешелъ къ жизни въ Одессѣ, къ итальянской оперѣ. Гоголь сталъ разсказывать объ итальянскихъ театрахъ, объ Италіи, жаловался на вѣтеръ съ моря и что онъ не можетъ довольно согрѣться. Наконецъ, я раскланялся.

Онъ просилъ посѣщать его, примолвивъ: «я буду разсказывать вамъ про Италію прежде, чѣмъ вы ее сами увидите».

Черезъ нѣсколько дней Гоголь заплатилъ мнѣ визитъ въ моей квартирѣ, въ гостинницѣ Каруты (Лондонской) на Бульварѣ. Онъ вошелъ въ залу, не будучи встрѣченъ слугою, и началъ ходить взадъ и впередъ въ ожиданіи, что кто нибудь появится. Слыша его шаги и полагая, что это кто нибудь изъ домашнихъ, его окликнули изъ гостинной вопросомъ: «Кто тамъ?» на который онъ отвѣтилъ громко: «Николай Гоголь».

Посидѣвъ немного, онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ комнатѣ тепло, не смотря на то, что окнами на море. Разговоръ незамѣтно склонился къ Италіи. Гоголь, между прочимъ, разсказывая объ умѣніи англичанъ путешествовать, хвалилъ дорожный костюмъ англичанокъ, отличающійся простотой при всемъ удобствѣ»[2]).

---

[1]) Не точно; Гоголь зналъ эту статью своевременно.

[2]) О томъ, что онъ обѣдалъ съ Гоголемъ у Пушкина (см. выше), Мизко не упоминаетъ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

Что Гоголь видѣлся съ Орлаями, это можно видѣть изъ его письма къ Шевыреву (отъ 7 ноября); видѣлъ въ Одессѣ Гоголь также и брата своего товарища А. С. Данилевскаго и двоюроднаго брата ихъ М. А. Литвинова, вскорѣ умершаго [1]).

Едва ли не самыми интересными воспоминаніями о жизни Гоголя въ Одессѣ являются, не смотря на излишнее многословіе, замѣтки актера Толченова [2]), которыми я и закончу этотъ рядъ воспоминаній.

Г. Толченовъ въ 1851 г. былъ актеромъ русской труппы въ Одессѣ. Въ началѣ января, желая повидаться съ членомъ театральной дирекціи А. И. Соколовымъ, авторъ отыскалъ его въ ресторація Оттона [3]) и узналъ, что онъ сидитъ въ ожиданіи Гоголя, который здѣсь иногда обѣдаетъ, но поздно, часу въ пятомъ — шестомъ, и къ тому времени здѣсь собирается компанія. Соколовъ предложилъ Толченову представить его Гоголю. «Онъ хотя не любитъ новыхъ лицъ, но вы человѣкъ маленькій, авось онъ при васъ не будетъ ежиться». Они пошли въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ Гоголь. Продолжаю словами автора: «При входѣ въ завѣтную комнату я увидѣлъ сидящаго за столомъ, прямо противъ дверей, худощаваго человѣка. Острый носъ, небольшіе пронзительные глаза, длинные, прямые темно-каштановые волосы, причесанные à la мужикъ, небольшіе усы. Вотъ что я успѣлъ замѣтить въ наружности этого человѣка, когда при скрипѣ затворяемой двери онъ вопросительно взглянулъ на насъ. Человѣкъ этотъ былъ Гоголь. Соколовъ представилъ меня. «А! добро пожаловать, — сказалъ Гоголь, вставая и съ радушной улыбкой протягивая мнѣ руки. Милости просимъ въ нашу бесѣду... Садитесь здѣсь возлѣ меня», добавилъ онъ, отодвигая и съ радушной улыбкой протягивая мнѣ свой стулъ и давая мнѣ мѣсто. Я сѣлъ, робость моя пропала. Гоголь, съ

[1]) Матерьялы, IV, 838—839.

[2]) Напечатаны въ газетѣ «Музыкальный Свѣтъ» въ 1876 г. и перепечатаны въ составленномъ Л. М. де-Рибасомъ сборникѣ «Изъ прошлаго Одессы». Од. 1894 г.

[3]) Она была въ городскомъ домѣ, на Ришельевской улицѣ, противъ театра.

котораго я глазъ не спускалъ, занялся исключительно мною. Разспрашивая меня о томъ, давно ли я на сценѣ? сколько мнѣ лѣтъ? когда я изъ Петербурга? онъ между прочимъ задалъ мнѣ такой вопросъ: «А любите ли вы искусство?» — Если бы я не любилъ искусства, то пошелъ бы по другой дорогѣ. Да во всякомъ случаѣ, Николай Васильевичъ, если бы я даже не любилъ искусства, то навѣрно вамъ въ этомъ не признался бы. — «Чистосердечно сказано!» сказалъ смѣясь Гоголь: «но хорошо вы дѣлаете, что любите искусство, служа ему. Оно только тому и дается, кто любитъ его. Искусство требуетъ всего человѣка. Живописецъ, музыкантъ, писатель, актеръ — должны вполнѣ, безраздѣльно отдаваться искусству, чтобы значить въ немъ что нибудь... Повѣрьте, гораздо благороднѣе быть дѣльнымъ ремесленникомъ, чѣмъ лѣзть въ артисты, не любя искусства» [1]). Слова эти, не смотря на то, что въ нихъ не было ничего новаго, произвели на меня сильное впечатлѣніе: такъ просто, задушевно, тепло они были сказаны. Не было въ тонѣ Гоголя ни докторальности, ни напускной важности, съ которыми иные почитаютъ дѣломъ совѣсти изрекать юношамъ самыя истертыя аксіомы поношенной морали. Чувствовалось, что слова эти говорятся не изъ желанія дать молодому человѣку приличное наставленіе въ поученіе ему, а высказываются, какъ горячее убѣжденіе. Видя въ рукахъ моихъ бумагу, Гоголь спросилъ: «Что это? Не роль ли какая?» — Нѣтъ, это афиша моего бенефиса, которую я принесъ для подписи Александру Ивановичу [2]). — «Покажите, пожалуйста». — Я подалъ ему афишу, которая, по примѣру всѣхъ бенефисныхъ афишъ, какъ провинціальныхъ, такъ и столичныхъ, была довольно великонька. «Гм! а не долго ли продолжится спектакль? Афиша то что то больно велика», замѣтилъ Гоголь, прочитавъ внимательно афишу. — Нѣтъ, пьесы небольшія; только ради обычая и вкуса большинства публики афиша, какъ говорится, расписана. — «Однако, все что

[1]) Большею частью я передаю, конечно, только смыслъ говореннаго Гоголемъ. Съ буквальной точностью я, къ сожалѣнію, словъ его не записывалъ (Толченовъ).

[2]) Соколову.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

въ ней обозначено, дѣйствительно будетъ?»—Само собою разумѣется.—«То-то! Вообще никогда не прибѣгайте ни къ какимъ пуфамъ, чтобъ обратить на себя вниманіе. Оно дурно и вообще въ каждомъ человѣкѣ, а въ артистѣ шарлатанство просто неприлично... Давно я не бывалъ въ театрѣ, а на вашъ праздникъ приду!» Разговоръ сдѣлался общимъ; Гоголь былъ, какъ говорится, въ ударѣ. Два—три анекдота, разсказанные имъ, заставили всю компанію хохотать чуть не до слезъ. Каждое слово, вставляемое имъ въ разсказы другихъ, было мѣтко и вѣско... Между прочимъ услыхавъ сказанную кѣмъ то французскую фразу, онъ замѣтилъ: «Вотъ я никакъ не могъ насобачиться по французски!» — Какъ это насобачиться? спросили смѣясь собесѣдники.—«Да такъ, насобачиться—... другимъ языкамъ можно учиться, изучать ихъ... и познакомиться съ ними... а чтобъ говорить по французски непремѣнно надо насобачиться этому языку». Разошлись по домамъ часовъ въ 9. Такова была моя встрѣча съ Гоголемъ. Я съ трудомъ могъ прійти въ себя отъ изумленія: такъ два часа, проведенные въ обществѣ Гоголя, противорѣчили тому, что мнѣ до тѣхъ поръ приходилось слышать о Гоголѣ, какъ о членѣ общества. Все слышанное мною про него въ Москвѣ и Петербургѣ такъ противорѣчило видѣнному мною въ этотъ вечеръ, что на первое время удивленіе взяло верхъ надъ всѣми другими впечатлѣніями. Я столько слышалъ разсказовъ про нелюдимость, недоступность, замкнутость Гоголя, про его эксцентричныя выходки въ аристократическихъ семьяхъ обѣихъ столицъ; такъ живъ еще былъ въ моей памяти разсказъ, слышанный мною два года назадъ въ Москвѣ, о томъ, какъ приглашенный въ одинъ аристократическій московскій домъ Гоголь, замѣтя, что всѣ присутствующіе собрались собственно затѣмъ, чтобы посмотрѣть и послушать его, улегся съ ногами на диванѣ и проспалъ или притворился спящимъ почти весь вечеръ,—что въ головѣ моей съ трудомъ переваривалась мысль о томъ, чтобъ Гоголь, съ которымъ я только что разстался, котораго я видѣлъ самъ, былъ тотъ же человѣкъ, о которомъ я составилъ такое странное понятіе по разсказамъ о немъ... Сколько одушевленія, простоты, общительности, заразительной веселости оказалось въ этомъ недоступно хоронящемся въ самомъ себѣ человѣкѣ. Неужели, думалъ я, это

одинъ и тотъ же человѣкъ,—засыпающій въ аристократической гостинной, и сыплющій разсказами и замѣтками, полными юмора и веселости, и самъ отъ души смѣющійся *каждому разсказу* смѣхотворнаго свойства — въ кругу людей, нисколько не участвующихъ и не имѣющихъ ни малѣйшей надежды участвовать въ судьбахъ Россіи.

До окончанія бенефиса я не имѣлъ возможности за хлопотами видѣть Гоголя; но онъ сдержалъ слово — былъ въ театрѣ въ день моего бенефиса[1]) въ ложѣ директора Соколова и, по словамъ лицъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ, высидѣлъ весь спектакль съ удовольствіемъ и былъ очень веселъ. Вслѣдъ за моимъ бенефисомъ шелъ бенефисъ извѣстной актрисы А. И. Шубертъ[2]); она выбрала для постановки «Школу женщинъ», Мольера. А. И. Соколовъ, зная, какъ трудно молодымъ актерамъ, воспитавшимся совершенно на иныхъ началахъ, передавать такъ называемыя классическія пьесы, просилъ Николая Васильевича прочесть пьесу актерамъ, чтобъ дать имъ вѣрный тонъ и тѣмъ облегчить для нихъ несовсѣмъ легкую задачу, которая представляется актерамъ. Гоголь изъявилъ свое согласіе[3]), и для чтенія пьесы порѣшили собраться въ квартиру режиссера Богданова, знакомаго Гоголю еще въ Москвѣ, такъ какъ Богдановъ былъ женатъ на родной сестрѣ М. С. Щепкина, а извѣстно, какъ близокъ былъ Гоголь къ дому Щепкина. Въ назначенный день актеры и актрисы, участвовавшіе въ «Школѣ женщинъ», собрались у Богданова. Изъ неучаствовавшихъ актрисъ была приглашена только одна извѣстная артистка П. И. Орлова, а изъ постороннихъ театру лицъ одинъ Н. П. Ильинъ. Какъ прочихъ артистовъ, такъ и знакомыхъ Николая Васильевича не пригласили, изъ опасенія испугать Гоголя многолюдствомъ. Часовъ въ 8 вечера пришелъ Гоголь съ Соколовымъ. Войдя въ комнату и увидя столько незнако-

---

[1]) Бенефисъ Толченова былъ 9 января 1851 г.; афиша дѣйствительно была длинная; см. «Од. Вѣстн.» 1851 г. № 2.

[2]) Въ настоящее время живетъ въ г. Ялтѣ.

[3]) Ср. выше стр. 33.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

мыхъ лицъ, онъ замѣтно сконфузился; когда ему стали представлять всѣхъ присутствующихъ, то онъ совершенно растерялся, вертѣлъ въ рукахъ шляпу, комкалъ перчатки, неловко раскланивался и, нечаянно увидавъ меня,—человѣка уже знакомаго ему,—быстро подошелъ ко мнѣ и какъ-то нервически сталъ жать мнѣ руку, отчего я въ свою очередь окончательно сконфузился. Впрочемъ, замѣшательство Гоголя продолжалось недолго. Какъ только окончилась скучная церемонія взаимнаго представленія, каждый сталъ продолжать прерванный разговоръ, поднялся общій говоръ, шумъ, смѣхъ, какъ будто между нами и не было *великаго* человѣка! Замѣтивъ, что на него не смотрятъ, какъ на чудо-юдо, что, повидимому, никто не собирается записывать его словъ, движеній, Гоголь совершенно успокоился, оживился, и пошла самая одушевленная бесѣда между нимъ, Л. С. Богдановой, П. И. Орловой, Соколовымъ, Ильинымъ и всякимъ, кто только находилъ что сказать. Русскіе и малороссійскіе анекдоты, поговорки, прибаутки такъ и сыпались! Послѣ чаю всѣ усѣлись вокругъ стола, за которымъ сидѣлъ Гоголь; водворилась тишина и Гоголь началъ чтеніе «Школы женщинъ». По совѣсти могу сказать—такого чтенія я до сихъ поръ не слыхивалъ. По истинѣ, Гоголь читалъ мастерски, но мастерство это было особаго рода, не то, къ которому привыкли мы, актеры. Чтеніе Гоголя рѣзко отличалось отъ признаваемаго при театрѣ за образцовое отсутствіемъ малѣйшей эффектности, малѣйшаго намека на декламацію. Оно поражало своей простотой, безъискусственностью, и хотя порою, особенно въ большихъ монологахъ, оно казалось монотоннымъ и иногда оскорблялось рѣзкимъ удареніемъ на цезуру стиха, но зато мысль, заключенная въ рѣчи, рельефно обозначалась въ умѣ слушателя и, по мѣрѣ развитія дѣйствія, лица комедіи принимали плоть и кровь, дѣлались лицами живыми, со всѣми оттѣнками характеровъ. Впослѣдствіи на одномъ изъ вечеровъ у Оттона (о которомъ рѣчь впереди) Гоголь читалъ свою «Лакейскую», и лицо дворецкаго еще до сихъ поръ передо мной, какъ живое. Перенять манеру чтенія Гоголя, *подражать* ему—было бы невозможно, потому что все достоинство его чтенія заключалось въ удивительной вѣрности тону характера того лица, рѣчи котораго онъ передавалъ, въ поразительномъ умѣніи подхватывать и выражать жизненныя характерныя черты роли,

въ искусствѣ оттѣнять одно лицо отъ другого, т. е. въ томъ, что въ сценическомъ искусствѣ называется созданіемъ характера, типа.... Чтеніе часто прерывалось замѣчаніями какъ со стороны Гоголя, такъ и со стороны слушателей, а между тѣмъ пять дѣйствій комедіи были прочитаны незамѣтно. Вечеръ закончился ужиномъ, составленнымъ ради Гоголя почти исключительно изъ малороссійскихъ блюдъ. Черезъ нѣсколько дней, когда уже роли у актеровъ изъ «Школы женщинъ» были тверды, Николая Васильевича пригласили въ театръ на репетицію и, не смотря на свое обыкновеніе ранѣе четвертаго часа изъ дому не выходить, онъ пришелъ на репетицію въ 10 час. Кромѣ участвовавшихъ въ пьесѣ на сценѣ никого не было. Гоголь внимательно выслушалъ всю пьесу и, по окончаніи репетиціи каждому изъ актеровъ по очереди, отводя ихъ въ сторону, высказалъ нѣсколько замѣчаній, требуя исключительно естественности, жизненной правды [1]); но вообще одобрилъ всѣхъ играющихъ; г-жею Шубертъ (Агнесса) онъ остался особенно доволенъ [2]), но былъ серьезенъ, сосредоточенъ, ежился, кутался въ шинель и жаловался на холодъ, который, какъ извѣстно, дѣйствовалъ на него неблагопріятно. Да и самъ по себѣ театръ днемъ, тускло освѣщаемый однимъ дневнымъ свѣтомъ, съ прибранными декораціями, на мѣстѣ которыхъ остаются однѣ голыя кулисы, словно остовы, съ безмолвной погруженной въ полумракъ зрительной залой, въ которой какъ то ясно раздаются голоса говорящихъ на сценѣ,—способенъ нагнать тоску на впечатлительнаго человѣка. Въ день представленія «Школы женщинъ» [3]), а также и въ бенефисъ Богданова, въ который шла «Лакейская» [4]), Гоголь, несмотря на свое обѣщаніе прійти въ театръ, однако не былъ... Въ кругу театральныхъ Гоголь былъ

---

[1]) Кстати сказать, я помню игру Толченова; далека была она отъ естественности; онъ былъ актеръ въ манерѣ Рыбакова, но плоховатый.

[2]) Но на нее Гоголь произвелъ будто бы крайне неблагопріятное впечатлѣніе; см. Матеріялы, IV, 698–699.

[3]) 8 февраля.

[4]) 11 февраля; въ афишѣ нѣтъ названія «Лакейская», а сказано: «Сцена изъ комедіи Н. В. Гоголя».

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

еще разъ у П. И. Орловой на вечерѣ, устроенномъ ею нарочно для Николая Васильевича, выразившаго однажды желаніе поѣсть русскихъ блиновъ, которыми Прасковья Ивановна, какъ москвичка, и вызвалась его угостить. Гоголь съ большимъ аппетитомъ ѣлъ блины, похваливалъ, смѣшилъ другихъ и самъ смѣялся, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ нѣкоторыхъ совершенно незнакомыхъ ему господъ, внимательно вслушивался въ ихъ разговоры, разспрашивалъ самъ объ особенностяхъ мѣстной жизни, и меня съ любопытствомъ допрашивалъ о житьѣ-бытьѣ одесскихъ лицеистовъ, между которыми у меня было много знакомыхъ. Вообще къ молодежи Гоголь относился съ горячей симпатіей, которая сказалась и въ разспросахъ меня о моей собственной жизни, о моихъ наклонностяхъ и стремленіяхъ и въ тѣхъ совѣтахъ, которыми онъ меня подарилъ. На вечерѣ у Орловой Гоголь оставался довольно поздно и все время былъ въ отличномъ расположеніи духа.

Кромѣ этихъ двухъ исключительныхъ случаевъ я бывалъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю въ обществѣ Гоголя на сходкахъ у Оттона, въ той же маленькой комнатѣ, въ которой я увидѣлъ его впервые и куда Гоголь являлся обѣдать въ извѣстные свободные отъ приглашеній дни раза два-три въ недѣлю. Гоголь приходилъ часовъ въ 5, иногда позднѣе, приходилъ серьезнымъ, разсѣяннымъ, особенно въ дни относительно холодные; но встрѣчали его обыкновенно такъ радушно, задушевно, что минутъ черезъ 5 хандра Гоголя пропадала и онъ дѣлался сообщителенъ и разговорчивъ. Постоянными собесѣдниками Гоголя у Оттона были: профессоръ Н. Н. Мурзакевичъ, М. А. Моршанскій, А. Ф. Богдановъ, А. И. Соколовъ и Н. П. Ильинъ [1]); иногда бывалъ еще кто либо изъ общихъ знакомыхъ, но рѣдко... Съ приходомъ Гоголя являлся самолично Оттонъ, массивный мущина, въ бѣлой поварской курткѣ, съ симпатичнымъ лицомъ. Появленіе его производило общій восторгъ, такъ какъ онъ являлся только въ торжественныхъ случаяхъ. Съ подобающей

[1]) Михаилъ Александровичъ Моршанскій былъ въ то время чиновникъ особыхъ порученій при начальникѣ Одесскаго таможеннаго округа; объ остальныхъ было сказано выше.

важностью, съ примѣсью добродушнаго юмора, Оттонъ вступалъ съ Гоголемъ въ переговоры касательно меню его обѣда. Такое то блюдо рекомендовалъ, такое то подвергалъ сомнѣнію, на томъ то настаивалъ; но увы! всѣ его усилія склонить Гоголя къ вкушенію тончайшихъ совершенствъ кулинарнаго искусства пропадали даромъ и Гоголь составлялъ свой обѣдъ изъ простыхъ, преимущественно мясныхъ блюдъ. Оттонъ, тяжело вздохнувъ и пожимая плечами, удалялся для нужныхъ распоряженій. Передъ обѣдомъ Гоголь выпивалъ рюмку водки, во время обѣда рюмку хереса, а такъ какъ собесѣдники его никогда не обѣдали безъ шампанскаго, то послѣ обѣда—бокалъ шампанскаго. По окончаніи Гоголемъ обѣда вся компанія группировалась около него и Николай Васильевичъ принимался варить жжонку, которую варилъ какимъ то особеннымъ манеромъ—на тарелкахъ, и, надо сознаться, жжонка выходила превкусная, хотя самъ Гоголь и мало ее пилъ, часто просиживалъ цѣлый вечеръ съ одной рюмкой. Тутъ то собственно и начиналась бесѣда, веселая, одушевленная, безпритязательная. Анекдотъ слѣдовалъ за анекдотомъ, разсказъ за разсказомъ, острое слово за острымъ словомъ. Веселость Гоголя была заразительна, но всегда покойна, тиха, ровна и не многорѣчива. Всѣ собесѣдники, какъ будто сговорясь, старались избѣгать всякаго намека на предметы, разговоръ о которыхъ могъ бы смутить веселость Гоголя. Два раза было нарушено это правило: однажды я рискнулъ спросить его мнѣніе о современныхъ русскихъ литераторахъ, на что Гоголь отказался отвѣчать, ссылаясь на малое знакомство съ современной литературой, отозвавшись, впрочемъ, съ большой симпатіей о Тургеневѣ. Въ другой разъ кто то изъ присутствующихъ прямо и просто предложилъ ему вопросъ: чему должно приписать появленіе въ печати «Переписки съ друзьями»?—«Такъ было нужно, господа», отвѣчалъ Гоголь, вдругъ задумавшись и такимъ тономъ, который дѣлалъ неумѣстными дальнѣйшіе вопросы.

Иногда находили на него минуты задумчивости, разсѣянности, но весьма рѣдко; вообще же мнѣ не привелось подмѣтить въ Гоголѣ, не смотря на частыя встрѣчи съ нимъ во время пребыванія его въ Одессѣ, ни одной эксцентрической выходки, ничего такого, что подавляло бы, стѣсняло собесѣдника,

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

въ чемъ проглядывало бы сознаніе превосходства надъ окружающими; не замѣчалось въ немъ также ни малѣйшей тѣни самообожанія, авторитетности. Постоянно онъ былъ простъ, веселъ, общителенъ и совершенно одинаковъ со всѣми въ обращеніи. Новыхъ лицъ, новыхъ знакомствъ онъ дѣйствительно дичился. Бывало, когда въ комнату, гдѣ онъ обѣдалъ со своими постоянными собесѣдниками, входило незнакомое ему лицо, Гоголь замолкалъ и круто обрывалъ разговоръ. Но, если присутствующіе встрѣчали вошедшаго дружески и радушно, Гоголь сейчасъ же переставалъ дичиться и спокойно продолжалъ разговоръ. Если же встрѣча вошедшему была оффиціально вѣжлива, то Гоголь уходилъ въ самого себя и рѣшительно не говорилъ ни слова, пока появившійся господинъ не скрывался. Говорилъ охотно Гоголь про Италію, о театрѣ, разсказывалъ анекдоты, большей частью малороссійскіе, слушалъ же съ большимъ вниманіемъ всевозможные разсказы, особенно касавшіеся русской жизни; съ замѣтнымъ удовольствіемъ ловилъ въ разсказахъ характеристическія черты разныхъ сословій, съ любопытствомъ разспрашивалъ объ особенностяхъ одесской жизни и, если предметъ его интересовалъ или былъ ему мало знакомъ, настойчиво добивался отъ разсказчика объясненія мельчайшей подробности, но самъ старательно избѣгалъ разговоровъ о литературѣ и самомъ себѣ; не позволялъ себѣ никакихъ выводовъ изъ приводимыхъ фактовъ.

Я лично, при встрѣчахъ съ нимъ, не замѣтилъ въ немъ ни проявленія колоссальной гордости, ни самообожанія; скорѣе въ немъ замѣчались робость, неувѣренность, какая то нерѣшительность, какъ въ сужденіяхъ о какомъ нибудь предметѣ, такъ и въ сношеніяхъ съ людьми. Слабости къ аристократическимъ знакомствамъ въ это время въ немъ тоже не было замѣтно. Сколько мнѣ случалось видѣть, съ людьми наименѣе значущими Гоголь сходился скорѣе, проще, былъ болѣе самимъ собою, а съ людьми, власть имѣющими, застегивался на всѣ пуговицы.

Жилъ Гоголь въ Одессѣ, за Сабанѣевымъ мостомъ, въ домѣ Трощинскаго, гдѣ мнѣ привелось быть у него одинъ разъ. Выходилъ онъ изъ дому, по его словамъ, не ранѣе четвертаго часа и гулялъ до самого обѣда. Изъ его же словъ знаю, что

онъ часто посѣщалъ семейства кн. Рѣпниныхъ и Д. И. Гагарина[1]).

Постоянный костюмъ Гоголя состоялъ изъ темно-коричневаго сюртука, съ большими бархатными лацканами; жилета изъ темной съ разводами матеріи и темныхъ брюкъ; на шеѣ красовался шарфъ съ фантастическими узорами или просто обвязывалась черная шелковая косынка, зашпиленная крестъ на крестъ обыкновенной булавкой; иногда на галстухъ выпускались отложные отъ сорочки остроугольные воротнички. Шинель коричневая, на легкой ватѣ, съ бархатнымъ воротникомъ; въ морозные дни енотовая шуба. Шляпа-цилиндръ съ конусообразной тальей. Перчатки черныя. Голосъ у Гоголя былъ мягкій, пріятный; глаза проницательные; впрочемъ, наружность его извѣстна».

Таковы воспоминанія о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—1851 г.; въ общемъ вмѣстѣ съ его перепиской они даютъ объ этомъ достаточное представленіе.

Итакъ въ Одессѣ Гоголю хорошо работалось. Нетрудно опредѣлить, надъ чѣмъ именно здѣсь онъ трудился: надъ II-ю частью «Мертвыхъ Душъ», на что есть прямыя указанія, и, по всей вѣроятности, надъ «Размышленіями о божественной литургіи», которыя хотя и были окончены въ первоначальной редакціи еще до отъѣзда Гоголя въ Іерусалимъ, т. е. до начала 1848 г., но исправлялись и передѣлывались до самаго 1852 г.; можетъ быть именно въ связи съ этимъ и находились занятія Гоголя въ Одессѣ Св. Писаніемъ.

Къ веснѣ Гоголь сталъ собираться покинуть Одессу. Сперва онъ разсчитывалъ пробыть здѣсь до апрѣля[2]), затѣмъ поставилъ свою поѣздку въ зависимость отъ погоды и писалъ матери (4-го марта): «О моемъ выѣздѣ навѣрно еще ничего не могу сказать; все будетъ зависѣть отъ погоды и какъ установится дорога. По дурной погодѣ отваживаться нельзя въ весьма некрѣпкой колясченкѣ, и безъ того уже пострадавшей въ распутную осеннюю

---

[1]) Кн. Д. И. Гагаринъ былъ въ то время инспекторомъ Одесскаго центральнаго карантина.

[2]) Письмо къ Плетневу отъ 25 января 1851 г.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

дорогу прошлаго года. Во всякомъ случаѣ буду стараться пріѣхать къ праздникамъ».

Что Гоголь стремился быть дома на Пасху (8-го апрѣля), Стурдза по этому поводу сообщаетъ слѣдующее: Сердце влекло его на родину къ милымъ роднымъ, которымъ онъ обѣщалъ провести съ ними святую Пасху. Говоря со мною о скоромъ отъѣздѣ своемъ въ Малороссію, Гоголь съ умиленіемъ приговаривалъ: «Да знаете ли, что послѣ первыхъ лѣтъ молодости моей я не имѣлъ счастія отпраздновать въ родной семьѣ Свѣтлое Воскресеніе Христово».

Стурдза говоритъ еще объ одной причинѣ, ускорившей отъѣздъ Гоголя изъ Одессы: «Тогда приспѣла къ намъ изъ Германіи пріятная вѣсть, что Жуковскій съ семействомъ рѣшительно собирается въ обратный путь и несомнѣнно пріѣдетъ въ Москву лѣтомъ. Эта надежда еще болѣе ускорила отъѣздъ Гоголя изъ Одессы; ему хотѣлось и погостить дорогою въ отеческомъ домѣ и встрѣтить Жуковскаго въ древней нашей столицѣ». Это указаніе Стурдзы подтверждается и письмами самого Гоголя къ Жуковскому (въ концѣ 1850 г.) и къ Плетневу отъ 25 января 1851 г.: «пріѣздъ Жуковскаго въ Москву, можетъ быть, нѣсколько измѣнитъ мой маршрутъ»,—и отъ 15 іюля 1851 г.: «желаніе повидаться съ тобой и Жуковскимъ было причиною моего нетерпѣнія»[1]).

18 марта Гоголь пишетъ Шевыреву, что на дняхъ выѣзжаетъ изъ Одессы, а 21 марта матери, что предполагаетъ выѣхать на будущей недѣлѣ, т. е. послѣ 25 марта, чтобы къ страстной въ субботу или въ воскресенье (28—29 марта) быть въ Кагарлыкѣ (у А. А. Трощинскаго); онъ желалъ выѣхать изъ Одессы или раньше или позже Д. А. Трощинскаго, чтобы не мѣшать одинъ другому на станціяхъ. Изъ дневника особы, жившей у кн. Рѣпниныхъ, видно, что Гоголь выѣхалъ 27-го марта.

Передъ отъѣздомъ знакомые давали Гоголю обѣды; одинъ былъ данъ кружкомъ 25—30 пріятелей въ ресторанѣ Маттео, и въ числѣ участниковъ были Л. Пушкинъ и Н. Тройницкій.

---

[1]) Жуковскій однако въ Россію не пріѣхалъ.

Рѣчей не было[1]). По поводу другого обѣда Толченовъ сообщаетъ слѣдующее:

«За нѣсколько дней до отъѣзда Гоголя изъ Одессы, на второй или на третьей недѣлѣ великаго поста, постоянные собесѣдники Гоголя у Оттона давали ему тамъ же прощальный обѣдъ. День выдался солнечный и Гоголь пришелъ веселый. Поздоровавшись со всѣми, онъ замѣтилъ, что недостаетъ одного изъ самыхъ замѣтныхъ постоянныхъ его собесѣдниковъ—Ильина. «Гдѣ же Николай Петровичъ?» спросилъ Гоголь у Соколова.— Да ночью ему шибко попритчилось... захворалъ .. шибко хватило, и теперь лежитъ.

Внезапная болѣзнь Ильина видимо произвела дурное впечатлѣніе на Николая Васильевича и хотя онъ старался быть и любезнымъ и разговорчивымъ, но это ему неудавалось. Разсѣянность и задумчивость, въ которыя онъ часто погружался, сообщились и остальному обществу и потому обѣдъ прошелъ довольно грустно. Послѣ обѣда Гоголь предложилъ пойти навѣстить Ильина. Всѣ охотно согласились и отправились всей компаніей. Ильина нашли уже выздоравливающимъ. Гоголь сказалъ ему нѣсколько сочувственныхъ словъ и тутъ же хотѣлъ распрощаться со всѣми нами; но мы единодушно выразили желаніе проводить его до дому. Вышли всѣ вмѣстѣ. Гоголь былъ молчаливъ, задумчивъ и на половинѣ дороги къ дому, на Дерибасовской улицѣ, снова сталъ прощаться... никто не рѣшился настаивать на дальнѣйшихъ проводахъ. Гоголь на прощаньи подтвердилъ данное прежде обѣщаніе—на слѣдующую зиму пріѣхать въ Одессу. «Здѣсь я могу дышать. Осенью поѣду въ Полтаву, а къ зимѣ и сюда... не могу переносить сѣверныхъ морозовъ, весь замерзаю и физически и морально». Простился съ каждымъ тепло; но и онъ и каждый изъ насъ, цѣлуясь прощальнымъ поцѣлуемъ, были какъ то особенно грустны. Гоголь пошелъ, а мы молча стояли на мѣстѣ и смотрѣли ему вслѣдъ, пока онъ не завернулъ за уголъ. Не суждено намъ болѣе его видѣть. Черезъ годъ Гоголя не стало».

---

[1]) Очень краткое указаніе см. въ «Одесск. Вѣстн.» 1869 г. № 67. Ресторанъ Маттео находился въ верхнемъ этажѣ д. Кирико, нынѣ Новикова, на углу Ришельевской и Дерибасовской улицъ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

Наканунѣ отъѣзда Гоголь обѣдалъ у кн. Рѣпнина, простился, благодарилъ князя, княжну и автора дневника за отношенія къ нему. Авторъ дневника передалъ Гоголю засушенные цвѣты, варенье, записку о черенкахъ. Гоголь ушелъ. Наступилъ вечеръ. Пріѣхали Гойеры, Гартль, Долгорукіе-Аргутинскіе, Кесслеръ, Лангвейнъ, княжна Варета, Г. И. Дунинъ-Барковская, Млодецкая съ дочерью [1]). Пошли чай пить. Вдругъ вошелъ Гоголь. Начались обычные разговоры; слушали игру Гартля. Въ 9 ч. Гоголь ушелъ отъ кн. Рѣпниныхъ, а на другой день, 27 марта, уѣхалъ изъ Одессы.

Толченовъ говоритъ, что Гоголь обѣщалъ пріѣхать въ Одессу и на слѣдующую зиму; это подтверждается и другими показаніями: объ этомъ упоминаетъ С. Т. Аксаковъ въ своихъ запискахъ, а товарищъ Гоголя по гимназіи В. В. Тарновскій писалъ Гоголю изъ своего имѣнія Потоки [2]) 10 ноября 1851 г., что онъ давно взялъ уже для Гоголя подорожную въ Одессу и теперь ждетъ его къ себѣ; наконецъ, кн. Е. П. Рѣпнина отвѣчала 22 февраля 1852 г. Гоголю на два письма его, изъ коихъ въ первомъ онъ извѣщалъ ее о предстоящемъ пріѣздѣ въ Одессу, а во второмъ (2 февраля) объ отмѣнѣ своего рѣшенія [3]).

Сохранилось также не мало указаній, что Гоголь хотѣлъ убѣжать изъ Москвы на зиму 1851—1852 г. вообще на югъ [4]);

---

[1]) О Гойерахъ, Гартлѣ и Дунинъ-Барковской говорено было выше; кн. Варета — конечно, кн. В. Н. Рѣпнина; кн. Долгорукихъ-Аргутинскихъ бывало тогда въ Одессѣ двое: Іосифъ и Николай Давидовичи — оба тираспольскіе помѣщики; сестры ихъ принимали участіе въ Одесскомъ женскомъ благотворительномъ обществѣ. Кто такіе Кесслеръ и Лангвейнъ, не знаю; въ концѣ 60-хъ годовъ я помню въ Одессѣ немолодого уже музыканта Кесслера; можетъ быть рѣчь идетъ о немъ. Тогда не былъ ли и Лангвейнъ какимъ либо артистомъ? Млодецкіе извѣстные землевладѣльцы въ югозападномъ краѣ. А. И. Млодецкая замужемъ за кн. Г. Е. Гагаринымъ-Стурдзой, внукомъ А. С. Стурдзы.

[2]) Кіевской губ.

[3]) См. еще Лит. Вѣстн. 1902 г. № 1, стр. 61, письмо С. В. Скалонъ къ М. И. Гоголь отъ 23 августа 1851 г.

[4]) Объ этомъ говоритъ и Стурдза въ своихъ воспоминаніяхъ.

особенно же привлекалъ его Крымъ [1]). Гоголь даже выѣхалъ на югъ, но возвратился съ дороги.

Оставивъ Одессу, Гоголь нерѣдко получалъ письма отъ ея обитателей: отъ кн. В. Н. Рѣпниной [2]), отъ капитанъ-лейтенанта Барановскаго [3]); письмо кн. Е. П. Рѣпниной, отъ 22-го февраля 1852 г., написано было уже послѣ его смерти.

Надо думать, что и Гоголь въ свою очередь писалъ къ нѣкоторымъ одесситамъ; это извѣстно, напр., относительно кн. Е. П. Рѣпниной [4]) и Барановскаго [5]). О кончинѣ Гоголя кн. В. Н. Рѣпнина писала кому то изъ близкихъ лицъ въ Одессу письмо съ очень сердечнымъ отзывомъ о Гоголѣ; получилъ это извѣстіе 2 марта и неразъ упомянутый авторъ дневника о немъ.

Вотъ тѣ немногія и, пожалуй, сравнительно мало интересныя данныя, какія мнѣ удалось сгруппировать о Гоголѣ въ его отношеніяхъ къ Одессѣ и къ ея обществу; но, повторяю, въ жизни *великихъ* людей нѣтъ ничего *малаго*.

Скажу въ заключеніе, что смѣшеніе фамилій Гоголь и Гогель повело къ разсказамъ о томъ, что Гоголь въ бытность въ Одессѣ посѣщалъ своихъ родственниковъ, имѣвшихъ дачу возлѣ Дюков-

---

[1]) Гоголь писалъ объ этомъ изъ Одессы 23 декабря 1850 г. Смирновой, а въ 1851 г. въ іюлѣ сестрамъ, 2 сентября матери, 20 сентября С. Т. Аксакову и снова 22 сентября матери; ср. указанное выше письмо С. В. Скалонъ. Гоголь даже далъ Аксакову свой крымскій адрессъ: Княжевичу въ Симферополѣ. Это—предсѣдатель Таврической казенной палаты Владисл. Макс. Княжевичъ, братъ Д. М. Княжевича, скончавшагося въ 1844 г.

[2]) Отъ 23 августа 1851 г. съ одесскими новостями.

[3]) Ильи Ивановича; онъ имѣлъ собственный домъ въ Одессѣ близь Института.

[4]) Въ одномъ изъ писемъ къ ней Гоголь проситъ передать поклонъ кн. Гагариной. О письмѣ Гоголя къ кн. В. А. Рѣпниной упоминаетъ дневникъ (Р. Арх. 1902 г., № 3, стр. 562). Въ этомъ письмѣ были поклоны къ кн. Е. П. Рѣпниной и къ кн. В. Н. Рѣпниной, но, увы! Гоголь не вспоминаетъ объ авторѣ дневника!

[5]) См Гоголевскій Сборникъ, изд. Инст. кн. Безбородко. К. 1902 г., стр. 3 и слѣд.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

скаго сада; на дачѣ этой (Гогеля, нынѣ Бенетато) собирались нѣкогда масоны, и сага вводитъ Гоголя въ ихъ кругъ. Все это лишь недоразумѣніе.

19 февраля 1902 г.
Одесса.

Дополненіе къ стр. 18—19 примѣч. 4: Я имѣлъ случай говорить съ кн. А. И. Гагариной-Стурдза, урожденной Млодецкой, и узналъ отъ нея, что кн. В. А. Рѣпнина дѣйствительно жила сперва въ домѣ Млодецкихъ, у Сабанѣева моста, гдѣ была и церковь; позднѣе же кн. Рѣпнина пріобрѣла домъ Шостака, куда и переѣхала на жительство. Кажется, это было незадолго до пріѣзда Гоголя, котораго кн. Гагарина-Стурдза видѣла, впрочемъ, у кн. Рѣпниной уже на Садовой улицѣ.

16 мая 1902 г.

~~146732~~ Н-83224.

Новороссійскаго Университета Библіотека

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА